

ЧАРЛЬЗ
СОУЛ

ГОД ОРАКУЛА

Чак Паланик и его бойцовский клуб

Чарльз Соул
Год Оракула

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Соул Ч.

Год Оракула / Ч. Соул — «Издательство АСТ», 2017 — (Чак Паланик и его бойцовский клуб)

ISBN 978-5-17-107142-4

Знание – это сила. Знание будущего – это огромная сила... и огромная опасность. Однажды нью-йоркскому музыканту Уиллу Дандо во сне были даны 108 предсказаний: событие и дата, когда оно произойдет. Убедившись, что предсказания действительно сбываются, Уилл и его друг финансист Хамза создали Сайт Оракула... и стали продавать пророчества заинтересованным лицам. Отныне они богаты. Очень богаты. А еще теперь у них множество врагов. От президента Соединенных Штатов до фанатичного пастора Брэнсона, которые объявили на них настоящую охоту. А тем временем Уилл расшифровал новое предсказание – и понимает: лишь он один способен предотвратить глобальную катастрофу...

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-107142-4

© Соул Ч., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	37
Глава 9	41
Часть II	48
Глава 10	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Чарльз Соул Год Оракула

Посвящается трем женщинам:

Мэри

Эми

Розмари

Charles Soule
THE ORACLE YEAR

© Charles Soule, 2018

© Перевод. М. Левин, 2017

© Издание на русском языке AST Publishing, 2020

Часть I Осень

Глава 1

А случиться может что угодно, подумал Уилл Дандо. В ближайшие пять секунд, в ближайшие пять лет. Просто вот что угодно.

Он запрокинул кружку, допивая последние глотки, потом стал пытаться привлечь внимание бармена, хотя понимал, что задача эта непростая.

Часа три назад, когда Уилл только сюда пришел, в баре было просторно, но к матчу «Джетс» – «Рэйдерз» он наполнился.

«Джетс» отставали на три очка, а на часах оставалось немного. Обычно Уилл не особенно следил за спортом и вряд ли даже смотрел когда-нибудь матч с начала до конца.

Но в этот раз было иначе. Эта игра имела значение.

Дело в том, что Уилл знал сто восемь событий, которым предстояло произойти, – и одним из них был исход этой игры.

Бар был обычной местной забегаловкой, и в нем ничего примечательного не было – все как в любом баре мира: сядешь там пить – будешь пить не один (хотя бы формально). Уилл занял второе после лучшего место в баре – если определять престиж расстоянием от двери. Стоило кому-нибудь войти или выйти, как в дверь вихрем врвался не по сезону холодный ноябрь, проносился вдоль стойки, морща лужицы пролитого пива и кружа смятые салфетки.

А самое лучшее место в заведении – наиболее далекий от двери табурет – находился от Уилла слева. И на нем сидела по-настоящему красивая девушка с каштановыми, слегка вьющимися волосами. Кажется, они с барменом были в дружеских отношениях. Ей определенно наливали быстрее, чем Уиллу, и, кажется, два из трех стаканов за счет заведения. Впрочем, для этого могли быть какие угодно причины. Хватило бы даже ее роскошных волос.

Уилл уловил ее имя – Виктория – и подумал, не заговорить ли с ней. На самом деле он думал об этом уже почти три часа.

Загудел телефон. Уилл глянул на экран – Хорхе. Это означало выступление, и хорошее. Может, на вечеринке в крутом заведении за приличные деньги. Даже худшие из подработок Хорхе оказывались очень хороши, а случались и вообще восхитительные. Он нанимал Уилла на показы нижнего белья, на вечеринки после концертов, на которых было полно народа из тусовки, на серьезные студийные сессии и даже, бывало, на туры открывающих концерты групп. Любая возможная карьера басиста в Нью-Йорке была прямо или косвенно связана с Хорхе Кабрерой.

Уилл провел рукой по экрану, сбрасывая вызов, а бармен в этот момент как раз дошел до него вдоль стойки.

– Еще одну? – спросил он, показывая на пустую пивную бутылку Уилла.

– Да, – ответил Уилл. – Того же самого. – И вдруг, под влиянием импульса, повернулся влево и улыбнулся Виктории: – Позвольте вас угостить?

Уголкем глаза Уилл заметил, что бармен чуть приостановился, доставая бутылки из холодильника. Значит, они не просто друзья, получается. Ну и что?

Виктория обернулась к Уиллу.

– Спасибо, – сказала она дружелюбно, хотя особой теплоты в голосе не слышалось. – Но я знакома с барменом и пью бесплатно.

– Да, конечно, – ответил Уилл, – вы извините, я просто вслух подумал... оплаченное же лучше бесплатного?

Виктория слегка наклонила голову набок:

– Не за что извиняться. Спасибо.

Она обозначила конец разговора, повернувшись к телевизору, увлеченная разговором не больше, чем если бы он предложил поменяться местами.

Бармен вернулся, подвинул к Уиллу картонный кружок и поставил на него бутылку чуть резче, может быть, чем было необходимо.

«Рэйдерз» сделали тачдаун и добыли дополнительное очко, увеличив разрыв до десяти. Присутствующие в баре застонали, и Виктория тоже.

На стойке перед Уиллом лежал черный блокнот на пружине, обложка в складках, как у старого кожаного бумажника. Нижний край блокнота когда-то был залит кофе и смотрелся как пораженный грибком. Уилл провел большим пальцем по углу блокнота, перелистнул страницы, глядя на стену за стойкой, на свои многочисленные отражения в бутылках, выстроившихся вдоль длинной полки. Сжал блокнот в ладони.

Уилл подумал о том, что он знает, и о том, что можно с этим сделать.

Выстрелы в магазине «Лаки корнер». Два подряд, пауза, еще три один за другим. Долгий перерыв. Задержанное дыхание. Внутри принимаются решения. Еще выстрелы. Шум, много шума. Пятно на витрине, изнутри. В середине темное, по краям оттененное красным, не очень плотное, солнце просвечивает.

Уилл поиграл кружком от недопитого пива, подумал, сколько он уже выпил сегодня. Подумал о хороших решениях, о плохих решениях и о том, как их трудно отличить друг от друга.

Повернулся к Виктории.

– За «Джетс» болеете?

– Ага, – ответила она, не отрываясь от телевизора.

– Хотите знать, кто сейчас выиграет? – спросил Уилл.

– Кажется, я и так знаю, – ответила она.

– Вас может ждать сюрприз, – сказал он. – «Джетс» выиграет с перевесом в четыре очка.

Виктория фыркнула – у нее это получилось даже мило.

– Два тачдауна за две последние минуты? Послушайте, не надо таких заходов. Все-таки стоило попросить Сэма, чтобы он вас осадил.

– Подождем и увидим, – ответил Уилл.

– Почему вы так уверены? Вы что, оракул?

Уилл помедлил.

– Угадали, – ответил он.

Наконец-то Виктория повернулась к нему и произнесла:

– Ну-ну. Знаете, сколько раз я за последние пару месяцев это слышала? Только вы не вовремя сказали. Вам полагается предсказывать, что мы завтра проснемся в одной постели.

Уилл усмехнулся:

– Про это я не знаю. А эту игру выиграют «Джетс».

– С перевесом в четыре, – добавила Виктория.

– Именно так.

– Если это случится, я вся ваша. Можете везти меня домой и делать со мной что хотите.

Уилл вытаращил глаза:

– Ух ты!

– Дышать не забывайте.

На втором дауне, когда мячом владели «Джетс», один из принимающих Нью-Йорка поймал пас с тридцати ярдов и сделал пробег до самой концевой зоны. Бар взорвался.

Уилл покосился на Викторию. Она уставилась на него.

– Что я говорил? – сказал Уилл.

– Да, – согласилась Виктория. – Но им еще пахать и пахать, а времени почти нет.

– Угу.

«Джетс» забили дополнительные очки, и «Рэйдерс» снова завладели мячом.

Темное пятно, красное на краях, где потоньше.

Уилл встал, подбирая блокнот, засунул его под мышку.

– Куда это вы? – спросила Виктория.

– На секунду, не волнуйтесь. Мы же поспорили, помните?

– Еще бы.

Уилл быстро ушел в глубину бара, зашел в мужской туалет и запер дверь. Положил руки на холодный фаянс раковины и глянул в заляпанное зеркало.

На него смотрело размытое, совершенно обыкновенное отражение. Под тридцать, нелюдим, перебивается случайными заработками. Но, конечно, обложка – еще не книга. Вот уже какое-то время он – не совсем обыкновенный.

Взрыв восторга в баре. Телевизора он не видел, но знал, что случилось. «Джетс» форсировали фамбл и сделали еще один тачдаун. Бар сходил с ума, а одна красавица всерьез подумала, что встретила сегодня оракула. Он может получить ее или любую другую женщину в этом баре. Да весь бар его, если он захочет. И обойдется это ему в десять слов на человека.

Уилл закрыл глаза, скатал блокнот в цилиндр и сжал двумя руками. Костяшки его побелели.

Хорошие решения и плохие решения.

– Черт поberi! – сказал он.

Тут он сообразил, что оставил пальто на спинке стула. Дурак.

Он вышел крадучись из туалета, рискнул глянуть в бар. Виктория сидела у телевизора и захлопала, когда «Джетс» добыли дополнительное очко. Они смогли. С перевесом в четыре.

Задняя дверь бара была возле кухни. Уилл вышел, вдохнул, чувствуя, как воздух впивается в легкие, и ушел в ночь не оглядываясь.

Глава 2

Ли Шор рассматривала стоявший перед ней салат. Она себе позволила некоторые излишества. Крутоны, сыр, нарезанная ломтями жареная курица, хорошая заправка (назвали бы ее пудингом, и дело с концом). Почти пятнадцать баксов – вот цена моральной поддержки в салат-баре. Съела она, быть может, вилки две.

Ли воткнула вилку в салат и вытерла руки бумажной салфеткой. Смяла ее и бросила на поднос. Рефлекторно взяла телефон. На экран выскочила ветка «Реддит» с закрепленной наверху единственной записью. Два коротких предложения:

ЗАВТРА – УЖЕ СЕГОДНЯ.
СЛУЧИТСЯ ВОТ ЧТО.

Ниже был список: двадцать кратких описаний событий, всего несколько предложений. При каждом дата с интервалом примерно в полгода. Этот список был повсюду в Сети – каждый агрегатор новостей поддерживал собственную копию, каждая со своими ветками тысяч комментариев, но именно в этом посте на «Реддите» он появился впервые по ссылке на анонимный Pastebin.

Сайт. С большой буквы. Все понимают, о чем идет речь.

Ли пролистала список до конца. Ничего за последние пять минут не изменилось. Письмо, которого она ждала, не пришло.

Она подняла взгляд от телефона. Из десяти посетителей кафе примерно восемь смотрели в телефоны. Как минимум у двух на экранах прямо в этот момент был Сайт.

Ли решила проверить почту. Ничего. Во всяком случае, не то письмо, которого она ждет.

Она поколебалась, хмурясь, потом открыла документ – статью. Свою статью – примерно три тысячи слов, симпатично дополненных картинками, ссылками... всем, чего ждут разборчивые читатели Urbanity.com.

Статья была о Сайте. Ли могла выбрать любую тему. Она, например, провела отличное исследование культуры легализованного употребления травы в Колорадо. Но Сайт... эта тема завораживала. С самого его появления создалось ощущение, что только он теперь и важен. Единственная загадка, достойная затраченных на решение усилий.

Как-то она стояла в очереди в «Старбаксе», и телефон вдруг загудел текстовым сообщением – Кимми Тонг, ее подруга, послала ссылку. Ли щелкнула, недоумевая, почему Кимми решила, что это стоит ее времени. Сделала заказ, потом погуглила, ожидая свой латте, сообщая, что же такое этот Сайт, и просто... таращась на него. Читая и перечитывая снова. Не слыша, как бариста назвал ее имя, пока он чуть не прокричал его ей в лицо с максимально возможной рассерженной интонацией.

Сайт появился внезапно, будто НЛО над Вашингтоном. За один день – теперь казалось, что за час – он вытеснил все прочие темы разговоров.

Двадцать событий, каждое с датой. Первые два уже произошли к тому времени, как Сайт стал вирусным, но остальным еще предстояло случиться. С тех пор прошли еще четыре даты из списка, и в каждую произошло соответствующее событие с Сайта – именно так, как оно было описано. Или, точнее, предсказано – неизвестным человеком, существом, суперкомпьютером или пришельцем, ставшим известным как Оракул. Имя собственное, как и Сайт.

Ли продолжала читать текст своей статьи, последний раз высматривая ляпы и опечатки. Она решила написать про Оракула именно потому, что о нем и так уже были написаны горы. Это был стратегический ход: если у нее получится найти новые аспекты, новые интерпретации (а она теперь думала, что получилось), то эффект будет куда сильнее, чем от статьи о менее известном предмете.

По крайней мере таков был замысел.

В настоящее время темой Ли на Urbanity.com была «городская культура» – эвфемизм для кликбейт-списка нью-йоркских клубов и мероприятий, скандалов знаменитостей и лучших бубликов в Бруклине. На Urbanity можно было найти настоящие репортажи – не так чтобы много, умеренно, – в других рубриках, и статья про Оракула была чем-то вроде тестового задания на допуск и к этой стороне работы.

Ли снова переключилась на почту – все еще пусто. Она досадливо поморщилась, нажала пару кнопок – и статья ушла в Сеть, став доступной любому из миллионов читателей сайта. Жребий был брошен.

Она встала, сгрузила свой поднос в мусорный ящик, испытывая угрызения совести от такого расточительства. И вернулась пешком через два квартала к себе в офис, чувствуя, как урчит в животе.

Urbanity занимал шестой этаж ничем не примечательного здания на углу Пятидесятой улицы и Третьей авеню. Улей ячеек с немногими застекленными офисами и конференц-залами по краям.

Ли села за свой стол, глянула в зеркальце, висевшее на стене ячейки. Чем ближе к тридцати, тем сложнее становились взаимоотношения с зеркалом. Каждый взгляд сопровождался легкой задержкой дыхания. Она не знала, что увидит – может быть, лицо матери: белые нити в волосах, морщины, веером расходящиеся вокруг глаз по темной коже.

Зачем ты это сделала? – спросила она себя.

У нее была работа в Нью-Йорке, *писательский* труд, дающий средства к существованию, работа по дипломной специальности журналиста – более или менее. Можно было оплачивать счета, почти не жонглируя ими и почти не прося помощи из дома. У доброй половины ее друзей и близко такого не было.

Так зачем ты это сделала? – повторила она вопрос к себе.

Над стенкой ячейки появилась голова – Эдди, один из фотографов компании. Приближающийся к среднему возрасту, не придающий этому значения и отлично знающий свое дело. Эдди снимал кое-какие фотографии для статьи про Сайт и помог ее сверстать.

Он улыбался.

– Видел, ты статью выложила, Ли. Молодец. Я же тебе говорил, хорошая штука. Что-нибудь говорили насчет перевести тебя в службу новостей или это одноразовая была вещь? В любом случае они никогда не брали статью от людей из других отделов – сколько я здесь работаю. Гордись, что получила зеленый свет.

Ли посмотрела на него, ничего не сказав. У него глаза чуть сузились.

– Не получила, – заключил Эдди.

Фундаментальным убеждением Ли Шор было вот что (это она осознала много лет назад, но не могла, видимо, изменить): какие бы ни были возможности, как бы ни было жаль долговременных отношений и счастливого состояния, которого это убеждение ее лишало, ничто не могло интересовать ее меньше, чем то, что у нее уже есть. И ничто не могло интересовать больше того, что, по словам других, ей не получить.

– Устала я ждать, Эдди. Я им послала статью неделю назад – и они даже не ответили. Ты ведь знаешь, что я могу? Ты так сам говорил. Мне надо было им что-то показать. Я почти два года просила сменить мне задания, а они только меня посылали по всяким дурацким клубам. Когда эта статья дойдет до рекламодателей, она сама за себя скажет. Конечно, небольшой риск здесь может быть. Но...

Эдди шумно вздохнул – скорее даже крикнул.

– Ты ведь знаешь, что этим сайтом владеет транснациональный развлекательный конгломерат? И нельзя просто так... постить что хочешь. Это не твоя страничка в «Тумблере». За такие вещи на людей даже подавали в суд, Ли, а уж уволить – как нечего делать.

Эдди отвернулся.

– Посмотрю твою проклятую статью и Бога буду молить, чтобы ты там меня не благодарила.

Ли хотела было сказать, что удалит статью с сайта Urbanity. Но что с этого толку? Она уже там. Жребий брошен.

Первым предсказанием, исполнившимся уже после того, как за ними стали следить, было рождение 8 октября в Северной городской больнице в Хьюстоне четырнадцати младенцев – шести мальчиков, восьми девочек. Сбылось совершенно точно, хотя последний младенец родился за две минуты до полуночи, а мать появилась в больнице за полчаса до этого. Она даже не была местной – проезжала мимо с мужем.

Такое организовать непросто, но скептики в блогах и на форумах предложили тысячи объяснений того, как это могло быть сделано. Наиболее популярной была гипотеза, что Сайт ведет ЦРУ, и оно стимулировало роды у нужного числа женщин в секретной лаборатории рядом с больницей, выстроило их, как племенных кобыл, чтобы все было по плану, и последнюю отправили в больницу как раз перед полуночью.

И плевать, что ЦРУ работает лишь за пределами Соединенных Штатов, что стимуляция родов – это не такой процесс, который можно подгадать с точностью до секунды, и зачем бы женщинам на это соглашаться, и так далее, так далее, так далее.

Следующее предсказание относилось к дате через две недели после этих рождений:

РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ КАБИНЫ САМОЛЕТА КОМПАНИИ
«ПАСИФИК ЭЙРЛАЙНЗ», СЛЕДУЮЩЕГО РЕЙСОМ 256, ПРИ ЗАХОДЕ
НА ПОСАДКУ В КУАЛА-ЛУМПУРЕ. ПОСАДКА НОРМАЛЬНАЯ,
РАНЕНИЯ У СЕМНАДЦАТИ ПАССАЖИРОВ. СМЕРТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЕВ
НЕТ.

И снова Сайт угадал стопроцентно. Птица попала в иллюминатор, стекло, не прошедшее должной профилактики, треснуло, что привело к утечке воздуха. Ранено было в точности семнадцать человек, ни больше ни меньше. Хотя, как говорили, это могло быть фальшивой новостью, но тут теориям заговора верили намного меньше, потому что событие было даже заснято.

Команда предприимчивых индонезийцев привезла к аэропорту камеру и засняла посадку рейса 256. Через пару часов клип оказался в Сети, и отчетливо была видна стая птиц, влетающих в кадр. Большинство из них успели в последний момент свернуть, некоторые не сумели. Проще было решить, что Сайт настоящий, чем поверить, будто ЦРУ развило умение управлять птицами и как-то сумело поставить в самолет некую аппаратуру, чтобы ранены были ровно семнадцать человек.

Кто-то, значит, умеет предсказывать будущее. Оракул.

Основные религиозные объединения либо отвергали Сайт, либо намеренно о нем молчали. Некоторые признали его. Политики и ученые мужи включили Сайт в свои речи, даже не запнувшись. Оракулу направляли приглашения на самые эксклюзивные мероприятия, предложения с различными сексуальными оттенками, выгоднейшие работы. Насколько было известно, предложения оставались без ответа.

На основании предсказаний возникали фавориты моды. Излюбленным напитком детей и взрослых стало шоколадное молоко после такого текста:

24 АПРЕЛЯ МИССИС ЛУИЗА АЛЬВАРЕС ИЗ ЭЛЬ-ПАСО,
ТЕХАС, КУПИТ КВАРТУ ШОКОЛАДНОГО МОЛОКА, КОТОРОГО НЕ
ПРОБОВАЛА УЖЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ, ЧТОБЫ ПРОВЕРИТЬ, ТАК ЛИ ОНО
ЕЙ НРАВИТСЯ, КАК В ДЕТСТВЕ.

Бармены по всей стране быстро научились смешивать «Затемнение»: шоколадное молоко, амаретто и водка.

И раз уж Оракул не раскрывал тайну своей личности, публика довольствовалась названными в предсказаниях именами. Луизу Альварес сделали представителем «Хершис», и ей страшно нравилось быть в свете рампы, пока какой-то фанатик не попытался убить ее на пресс-конференции. Несостоявшийся убийца раскрыл свой мотив: сделать все, чтобы предсказание Оракула не исполнилось. Спасти мир от пагубного влияния лжепророка.

После этого Луизу взяли под плотную охрану, ее появления на публике резко сократились. Компания «Хершис» не хотела лишиться ее возможности купить это молоко, когда настанет великий день.

«Анонимус» и многие дружественные ему хакерские объединения считали, что Сайт создан с использованием простых существующих средств анонимизации, практически гарантирующих, что только Оракул будет знать, кто такой Оракул, и только он сможет выдавать новые предсказания. Их вердикт был таков: тот, кто организовал Оракулу доступ, в тонкостях знает все нюансы современной науки о безопасности данных. Кроме этого, сказать им было по существу нечего.

Мировые рынки испытали серию головокружительных взлетов и падений. Исход следующих президентских выборов вдруг оказался под сомнением, поскольку Дэниел Грин, занимавший этот пост в данный момент, прохлопал первые немногие возможности прокомментировать, что значит для страны появление Сайта.

Реальных ответов не было – по крайней мере пока. Была лишь надежда, что в какой-то момент во всем этом появится смысл. Ясно, что все идет по какому-то плану, но что это за план, кто его составил, где, когда и как... а главное – *зачем*, – не знал никто. Пока не знал.

Ли откинулась на спинку кресла, читая последние строки собственной статьи. Она была даже лучше, чем ей помнилось. Не идеально, но уж точно не хуже большинства статей, выходящих из отдела новостей Urbanity. Зря Эдди напрягается.

Звоночек – на рабочий аккаунт пришло письмо. Ли вытащила его на экран.

От кого: jreimer@urbanity.com.

Прошу подняться ко мне.

Реймер

Ли секунд десять пялилась в монитор. Потом медленно протянула руку, щелкнула мышкой, свернув окно почтового приложения и открыв спрятанное за ним окно браузера. Где был, конечно же, Сайт.

Рука рефлексивно двинулась, Ли нажала «обновить», хотя внутренне съежилась в этот момент. Сайт не менялся никогда.

И все же изменения были.

Внизу страницы, под последним предсказанием, появились новые слова:

ЭТО НЕ ВСЕ, ЧТО Я ЗНАЮ.

И ниже – адрес электронной почты.

Глава 3

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КОГДА ВЕРНЕТСЯ МОЙ ПАПА?

БОГ ТЕБЯ ПОКАРАЕТ, ДЕМОН. ТАК СКАЗАЛ ПРЕПОДОБНЫЙ
БРЭНСОН.

COMBIEN D'ANNÉES JUSQU'À CE QUE LA FRANCE GAGNE LA
COUPE DU MONDE?¹

Уилл положил листок в стопку у стенки. Стопок таких было в его квартире три, каждая высотой четыре фута, тысячи страниц. И каждая страница была плотно покрыта мелким шрифтом текста с обеих сторон. Почти все – вопросы для Оракула. Поскольку адрес оказался на Сайте, приходили миллионы писем – и их содержание сводилось к трем вопросам:

Получу ли я то, что хочу?

Когда я получу то, что хочу?

Почему я не могу получить то, что хочу?

Первые тысяч сто были распечатаны и сейчас лежали штабелями между ящиками с инструментами Уилла – басы и гитары стояли на страже вопросов, как часовые.

– Брось их читать, Уилл, – послышался голос за спиной.

– Знаю, – ответил Уилл. – Это нелегко.

Он распахнул шкаф, вытащил выдавшую виды фендеровскую бас-гитару, забросил ляжку на шею и повернулся лицом к комнате. Не очень много там было что рассматривать: заваленный мусором журнальный столик (столешница будто спирографом разрисована – кольца от донышек стаканов и длинные перевитые царапины), торчащий среди прочей отданной даром мебелировки гостиной. Все остальное в квартире было забито аппаратурой. Инструменты, пюпитры, аккуратно свернутые бухты кабеля, педали эффектов, небольшой набор цифровой аппаратуры... кладовка, а не жилье.

В единственном кресле сидел Хамза Шейх. Сияющие глаза, коротко стриженные волосы, ослепительно-белые зубы.

– Эти все вопросы больше ничего не значат, – сказал он. – Все, что нам было нужно, мы из них вытащили. Это теперь просто шум.

– Для людей, которые их посылали, они наверняка значат много, – возразил Уилл.

– Ты можешь ответить хоть на какие-то?

– Нет.

– Тогда не вини себя. На эти вопросы *никогда* ответов не было. Не стоит себя грызть только потому, что люди хотят что-то знать.

– Да тут логикой не поможешь, – ответил Уилл. – Я... ну плохо мне от этого. Что мы людям даем надежду на что-то, чего никогда не исполним.

Хамза снова посмотрел на лэптоп, открытый на журнальном столике, рядом с разломаченными пачками бумаг, папками, заполненными информацией о людях, с которыми они собирались говорить, таблицами.

– Давай лучше соберись, – сказал он, внося обновленные цифры в какую-то экранную таблицу. – Сегодня самый важный день нашей жизни. Если у нас получится, сможешь помочь кому хочешь. Ни в чем себе не отказывай, брат.

Уилл начал басовую партию на висящем на шее инструменте – повторяющаяся мелодия из четырех нот.

---

¹ Через сколько лет Франция выиграет Кубок мира? (фр.) – Здесь и далее примеч. пер.

– Я этот мотив знаю, – сказал Хамза, не поднимая глаз от клавиатуры. – Как называется?

– Это «O'Jays», – сказал Уилл. – «For the Love of Money».

– Ага, моя любимая, – отозвался Хамза. – Иди сюда, уже почти время.

Уилл подошел к дивану и сел, сняв бас с шеи и прислонив к подушкам. Шевельнув стопку бумаги на журнальном столике, достал свой лэптоп, – почти такой же потертый, как сам столик, – и блокнот Оракула.

Открыв компьютер, он взял блокнот и поднял его вверх, показывая Хамзе, – как бродячий проповедник, воздевающий Библию перед публикой.

– Перед тем как мы это сделаем, – сказал он, – давай все проговорим еще раз. Последний раз.

Он опустил блокнот, сворачивая его в руке.

– Ты думаешь, это... в *этом* все дело? В этом причина, почему мне посланы были эти предсказания? Всего лишь – деньги?

Хамза убрал руки с клавиатуры и тяжело вздохнул:

– Ладно, Уилл. Последний раз. – Он поднял взгляд, глядя прямо на Уилла: – Нам предлагается возможность, которой я в жизни своей вообразить не мог. Настолько огромная, что я бросил работу, чтобы тебе помочь. Работу в инвестиционном банке, которая мне в неудачные годы давала бонус в четверть миллиона чистыми. Такая грандиозная, что я соврал жене, почему я это сделал. Я оставляю в стороне тот факт, что мы с тобой уже больше десяти лет лучшие друзья и что я ожидал большего доверия, чем ты сейчас проявляешь.

– Хамза, не надо, это не... – начал Уилл, но Хамза поднял руку, и Уилл замолчал, не договорив.

– *Равным образом* я не говорю о том, что тебе это нужно намного больше, чем мне. Я не буду говорить об этом, потому что со стороны твоего лучшего друга это было бы грубо. *Тем не менее...*

Хамза потянулся за блокнотом, Уилл его отдернул. Наступила пауза – оба они обдумывали этот рефлексорный жест. Хамза медленно опустил руку, не сводя взгляда с Уилла.

– Послушай, – сказал он тихо. – Ты получил предсказания. Ты мне настолько верил, что рассказал о них. Мы *долго* говорили, пока решили, что делать. И к этому мы пришли, и оно нашу жизнь изменит навсегда. *Навсегда*. Ты не получил инструкций, – продолжал Хамза. – Ты не получил правил. Если ты найдешь на тротуаре двадцатку, это значит, что она попала к тебе с какой-то целью? Ты будешь обязан поступить с ней так-то и так-то, а не как-то иначе? Ни хрена. Она твоя, и ты можешь сделать с ней все что хочешь.

– Ты всегда переводишь на финансы, – сказал Уилл.

– А это неплохо. На самом деле это даже хо... – Хамза замолчал, мотнул головой. Он хлопнул по крышке лэптопа, и снова качнулся журнальный столик. – Знаешь что? – сказал он, вставая. – Забудь. Давай завалим Сайт. Давай... ах ты ж...

Уилл смотрел, как Хамза ходит туда-сюда по комнате. Места ему было маловато – между входом в кухню размером с телефонную будку и дверью ванной – шага четыре в каждую сторону.

– Ты сдрейфил *сейчас*, когда осталось... – Он достал телефон, посмотрел время и показал его Уиллу: – ... семь минут, и все, для чего мы работали, свалится прямо к нам в руки? – Хамза сунул телефон в карман. – Ты был человеком – извини меня – без будущего. И когда тебе это будущее дали, буквально в руки, ты просто испугался. В смысле... ну, да, это ошарашивает, не спорю, но значит ли это, что надо просто так сидеть? Будто ничего и нет? Делая вид, что ты не знаешь того, что знаешь... в смысле, какого хрена?

Уилл смотрел, как друг мечется по комнате.

– Ты тоже нервничаешь, как я? – спросил он.

Хамза остановился, потом плюхнулся обратно в кресло, потирая лицо ладонью.

– Пф-ф-ф.

– Ты не был возле «Лаки корнер», – сказал Уилл. – Это случилось до того, как я тебе сказал, что Оракул – я. Ты не понимаешь, насколько неправильно все это может быть. А я знаю. Как только ты выпустишь эту информацию в мир, как только спустишь с цепи... тебе останется лишь сидеть тут и смотреть, что будет, и знать, что это сделал ты. Все, что произойдет, будет твоей виной.

Хамза вздохнул:

– Знаю, брат. Сейчас еще не поздно все прекратить. Минут через двадцать такого варианта не останется. К тебе пришли предсказания, не ко мне. Я не буду настаивать: хочешь прекратить – прекратим. И даже не парься. У меня другая работа есть. А у тебя... – он обвел рукой обшарпанную, тесную квартиру Уилла, – у тебя есть вот это все.

Уилл положил на блокнот ладонь, чувствуя под рукой картонную обложку. От нее не ощущалось тепла, не ощущалось жизни, но по-своему она была живая.

Он просидел, задумавшись, довольно долго. Пытался все продумать, как пытался уже тысячу раз до того, и снова оказалось, что все это просто не охватить.

Прервав собственные размышления, Уилл заговорил – и ему самому было любопытно услышать, что он скажет.

– Да, давай, – сказал он. – Скажи еще раз, с кем я буду говорить.

– Ага, – ответил Хамза, открывая лэптоп. – Это хедж-фонд. Старрер, Верн, Бигби и Гринборо. Активы стоимостью около тридцати пяти миллиардов долларов, инвестируют в самые различные концерны – от фермы и сельского хозяйства до нанотеха. Это значит, Уилл, что хотя мы не знаем, о чем тебя спросит СВБГ, но знаем, что это будет касаться одного очень общего вопроса.

– Денег, – отозвался Уилл.

– Именно. И ребята они крутые. Они на тебя наверняка наедут – так они действуют. Но помни, что *сделать* они тебе ничего не могут. Будут тебе грозить судом, но не бери в голову. Они понятия не имеют, ни кто ты, ни где ты. Говорить они будут с Оракулом. Об Уилле Дандо они не слышали и не услышат. – Хамза нахмурился. – При условии, что Флоридские Леди не облажались с защитой чат-программы, которую для нас ставили.

– Не облажались, – ответил Уилл. – Они свое дело знают. А кроме того, учитывая, сколько эти хеджевые парни заплатили за разговор со мной, последнее, чего они хотели бы – нас расколоть и меня отпугнуть.

– Верно, верно, – ответил Хамза, поднимая руку в знак согласия.

Уилл раскрыл лэптоп. Чат уже был запущен. Ничего такого хитрого, просто неотслеживаемая связь, чисто текстовая, работающая на браузере Тор через канал-анонимайзер.

– О'кей, все готово, – сказал Уилл, – но у них еще есть несколько минут. Можешь проверить деньги. На всякий случай – вдруг они сдали назад? Хотя вряд ли.

Хамза что-то быстро печатал на своем лэптопе.

– Мы сами чуть это не сделали только что, – буркнул он.

Усмехнувшись, он повернул компьютер экраном к Уиллу, показывая выписку со счета в банке на Каймановых островах.

СЧЕТ № 52IJ8549UIP000-LF8

Условно депонировано: \$10 000 000.00

– Лежат, – сказал Уилл. – Господи боже мой.

– Лежат, – отозвался Хамза. – Банк передаст их нам примерно через три минуты.

– Если что-нибудь не обломается.

– Ничего не обломается. Как только деньги уйдут с условного депонента, они наши, что бы дальше ни было.

Уилл улыбнулся:

– Вот так просто?

Компьютер Уилла издал звонок, и его улыбка погасла.

– Черт, они, – сказал он.

– О'кей, о'кей, – ответил Хамза. – Готов?

Уилл посмотрел на экран, щелкнул суставами пальцев и положил руки на клавиши.

– Готов.

На экране появились слова:

СВБГ: Это Оракул?

Оракул: Да.

СВБГ: Нам потребуются доказательства, чтобы одобрить перевод средств с депонента.

Оракул: Нет. Вы переводите средства сейчас же, или мы уходим. У вас тридцать секунд.

Он посмотрел на Хамзу:

– Поставил им ультиматум. Тридцать секунд. Дай мне знать.

Хамза смотрел на экран, грызя ноготь. Тикали секунды. Уилл потянулся пальцем к клавишам, поколебался – убрал руку. Если не получится... он не мог себе представить, что снова наберется дерзости так сделать. Что бы Хамза ни говорил.

– Заплатили, – ответил Хамза. – Перевод завершен.

Все тело Уилла гудело, как струна. Его доля – пять миллионов, что бы там дальше ни было.

– Ладно, – сказал он, кладя руки на клавиши. – Пора их заработать.

Первым заговорил банк:

СВБГ: Вы получили от нас десять миллионов долларов. Если наш десятиминутный таймер запущен, то да будет вам известно, что в случае отсутствия от вас ответа мы прибегнем к силе закона.

– Кретины, – сказал Уилл.

– Что они делают?

Хамза начал вставать, чтобы посмотреть. Уилл махнул ему рукой, чтобы сидел на месте.

– Грозят меня засудить. Я буду оглашать вопросы, когда они их будут задавать.

Хамза щелкнул суставами и положил пальцы на клавиши.

«Вы говорите с Оракулом, – напечатал Уилл. – Беседа начинается сейчас».

Хамза включил на экране таймер, и пошел обратный отсчет десяти минут. Почти сразу появился первый вопрос.

СВБГ: Будет ли утвержден конгрессом и президентом законопроект H.R. 2258 о реформе медицинского страхования?

Уилл засмеялся.

Оракул: Понятия не имею.

СВБГ: Когда и как умрут следующие лица: Джеймс Старрер, Джозеф Верн, Эдуард Бигби и Айра Гринборо?

– Ну-ну, – сказал Уилл. – Жуть.

– Чего там? – спросил Хамза.

– Они хотят знать, когда умрут.

– Ага. Ты знаешь?

Уилл помедлил, чувствуя на себе взгляд Хамзы и усилием воли удерживаясь от того, чтобы заглянуть в блокнот.

– Нет, – ответил он.

СВБГ: В какой день и час индекс Доу – Джонса для промышленных компаний превзойдет двадцать тысяч?

Оракул: Не знаю.

А затем повторил это снова, снова, снова на каждый новый вопрос, появляющийся на экране, жалея, что не скопировал эти слова в буфер.

– Ох они и разозлятся, – сказал он Хамзе. – Десять лимонов баксов за пустышку. Ты что-нибудь извлек из их вопросов?

– Тонны полезного, – ответил Хамза. Он яростно что-то для себя печатал, пролистывая бумаги. – Они руками дергают влево-вправо, показывая мне, куда собираются инвестировать. Один только вопрос про страхование можно использовать, чтобы из десяти миллионов сделать сто. Не меньше.

– Потом мне объяснишь, – сказал Уилл. – Мне почти неловко из-за...

Он замолчал, глядя в экран.

СВБГ: Есть ли у вас информация по урожаю цитрусовых во Флориде в этом сезоне?

– Так, стоп, на это я могу ответить, – сказал он. – Повезло им. У них там сколько осталось, минута или две?

– Если точно, сорок пять секунд.

– О'кей, напечатаю быстро.

Как всегда, когда Уилл вспоминал предсказание, оно было совершенно ясным, каждое слово, будто перед ним лежал открытый блокнот. Он начал вводить текст:

Оракул: Необычные погодные условия вызовут очень поздние заморозки, которые поразят почти всю юго-восточную территорию Соединенных Штатов. Заморозки эти серьезно повлияют на урожай во Флориде. Они произойдут...

– Стоп! – скомандовал Хамза.

Уилл поднял взгляд.

– Все?

– Десять минут истекли.

– Хм, – сказал Уилл, снимая руки с клавиатуры и глядя на Хамзу. – Я мог ответить только на один их вопрос и даже на него не успел. Даже неловко как-то.

Хамза осклабился:

– Ну уж нет! Никакой неловкости, друг мой. Эти ребята знали условия. Мы не давали обещаний, и вообще они десять миллионов баксов делают *в день*. Какая кому разница? А если хотят дополнительное время, могут его купить. Еще десять миллионов – еще десять минут.

– Хм, это вряд ли. Ты бы после такого купил бы?

– Кто знает? Эти люди думают не так, как мы.

– Разве ты не один из них? – спросил Уилл. – Сильный и могущественный банкир?

– Уже нет. Ты помнишь, что я это бросил? Теперь я – независимый бизнесмен. Из тех, что составляют хребет этой великой страны.

СВБГ: Мы желаем приобрести еще десять минут. Средства переводятся сейчас на ваш счет. Пожалуйста, завершите ответ на вопрос о цитрусовых во Флориде.

Уилл уставился на экран, потом стал печатать.

Оракул: Заморозки произойдут 23 мая. Температуры ниже средних будут держаться примерно одну неделю. Урожай во Флориде будет на 40 % меньше обычных цифр.

СВБГ: Это вся информация, имеющаяся у вас по данному вопросу?

Оракул: Да.

Уилл ждал. Впервые с момента начала чата очередной вопрос не последовал немедленно. Он глянул на Хамзу и встретил его странный взгляд.

– Одно из твоих предсказаний конкретно касалось погоды во Флориде в мае этого года, и как она повлияет на количество апельсинов в магазинах? – спросил Хамза.

Уилл кивнул.

– А эти ребята не только случайно задали вопрос, который требует именно этих конкретных знаний, но задали его *точно* в тот момент, который потребовал от них покупки дополнительного времени?

Уилл пожал плечами:

– Я себе задаю такие вопросы с той самой поры, как у меня был этот сон, Хамза. Я уже перестал удивляться.

На экране появились новые слова.

– Ну, вот оно! – крикнул Уилл. – Хэм, твоя очередь.

– Готов, – ответил Хамза, глядя на свой компьютер.

СВБГ: Возможно ли, чтобы эта информация не была разглашена никаким третьим сторонам?

Оракул: Да.

СВБГ: На каких условиях?

Хамза резко потянулся за одной из тетрадок на журнальном столике, задел коленом край, и весь столик наконец рухнул, рассыпав таблицы, распечатки и ноутбуки широкой дугой по полу.

– Черт! – очень отчетливо произнес Хамза.

Уилл, не обращая на него внимания, ввел фразу.

Оракул: Предложите условия. На время переговоров таймер, отсчитывающий время чата, будет остановлен.

СВБГ: Какие гарантии, что после нашей покупки эксклюзивных прав на эту информацию она не будет продана больше никому?

Уилл был готов к этому вопросу. Вполне вероятным казалось, что он возникнет.

ОРАКУЛ: Наше слово. И заверение, что если мы не придем к соглашению, эта информация определенно будет продана иному покупателю.

Уилл снял руки с клавиш, но ему пришла в голову другая идея.

Оракул: Или же выложена на Сайт. Вы купили право знать о заморозках во Флориде, а не распоряжаться этой информацией. Она все еще наша, и мы с ней можем поступать как хотим. Если желаете эксклюзивности, скажите, сколько вы за нее заплатите.

Долгая пауза по ту сторону экрана. Уилл себе представил лихорадочные расчеты, исходящие сейчас в конференц-зале хозяев вселенной, высоко над городом, где столпились старики в дорогих костюмах – ему они казались кем-то вроде людей-стервятников. У него за спиной Хамза шелестел бумагами, ругаясь про себя.

СВБГ: За эксклюзивное право распоряжаться этой информацией мы выплатим вам десять миллионов долларов дополнительно.

– Десять миллионов, – сказал Уилл Хамзе. – Хорошее предложение?

– Хрена с два! – отозвался Хамза, сидя на полу и держа в горстях пачку таблиц. – Я еще не закончил, но могу тебе сказать, что эти парни крупно вкладываются в земледелие в Калифорнии. Как ты думаешь, что они там выращивают?

– Апельсины?

– Апельсины, грейпфруты, танжело и так далее. И если Флорида в этом году пролетает, значит, Калифорния крупно на подъеме. Компании, которые у них в портфолио, заработают кучу денег. И еще, – сказал Хамза, размахивая пачками бумаг, – поговаривают, что фонд ищет способ инвестировать во флоридские фермы. Если будет мороз, многие фермы пострадают и будут выставлены на продажу. Так что у них сразу появится хороший плацдарм на флоридском рынке. И дешево.

– О'кей, – сказал Уилл. – Давай выводы.

– Выводы получаются такие, что фонд СВБГ может наварить около миллиарда, если заранее будет знать о заморозках во Флориде. Так они, мать их так, заплатят побольше десяти миллионов.

Хамза схватил карандаш и начал что-то царапать на ближайших листах бумаги, бормоча себе под нос. Подтянул к себе лэптоп, и на экран вытащил статистику по сельскохозяйственным рынкам, истории воздействия погодных форс-мажоров и всякие эзотерические финансовые данные. Алхимия какая-то.

– Скоро ты?

– Терпение, Уилл, терпение. Это чертовски трудно, я пытаюсь разобраться. Если запросить меньше, теряем миллионы долларов.

Уилл чувствовал, как сердце стучало. Еще двадцать минут – и он станет одним из тех, кто на день рождения людям автомобиля дарит.

– Четыреста пятьдесят, – сказал Хамза, бросая карандаш на стол. – Четыре-пять-ноль. Вот самое вероятное предположение. И скажу тебе, что мало есть людей, которые смогли бы тебе это промоделировать вот так, за пару минут. У меня мозг взорвался.

Уилл на минуту лишился дара речи. Положил пальцы на клавиатуру, руки дрожали.

– Это наше стартовое предложение? – сумел он спросить.

– Окончательное. Вот это они должны будут уплатить, если хотят свою информацию. Им это оставляет здоровенную прибыль, неимоверно здоровенную. Я даже слегка скостил, учитывая, что... все это так офигительно необычно.

Уилл покачал головой:

– Почему ты так уверен? А если они обозлятся и выйдут из разговора?

– Не выйдут. У них та же информация, что у меня, и они могут построить те же проекции. Если знаешь, как это делать, то гадать уже не надо. Имеешь дело с фактом. Конечно, – добавил он, – им наверняка пришлось на эту работу поставить человек тридцать, чтобы получить тот же ответ.

Уилл постарался унять дрожь в руках.

Оракул: 450 миллионов долларов. Торговаться не будем. Это единственная цена, на которую мы согласны.

И снова пауза.

СВБГ: Сумма существенная. Нам потребуется время на сбор таких средств.

– Твою мать, – выдохнул Уилл. – Они согласились!

– А куда они денутся, – ответил Хамза. – И теперь они знают, что мы, черт побери, понимаем, что делаем.

– Они говорят, что им нужно время на сбор денег. Сколько им дать?

Хамза на пару секунд задумался.

– Семьдесят два часа. Могут ликвидировать некоторые активы, если понадобится, но последний их проспект утверждает, что у них почти столько же на инвестиционных счетах, готовых в дело. Только им понадобятся всякие утверждения и согласования. В общем, просьба их вполне оправданна.

Оракул: Средства должны быть получены в ближайшие 72 часа.

СВБГ: Согласны. На тот же счет?

ОРАКУЛ: Да. Используете ли вы до конца оплаченное время беседы?

СВБГ: Да, но еще одно. Если вы нас обманули, будьте уверены, что мы используем все возможные средства, чтобы вас уничтожить и вернуть наши деньги.

Уилл нахмурился, сердито глядя через экран ноутбука. Руки вдруг стали очень твердыми.

Оракул: Меня уничтожить? Десять слов на Сайте – и больше ничего не надо. Что для вас, что для каждого в этом мире. Подумайте об этом, кретины.

Уилл закончил беседу. Он решил, что фонд несколько онемел после финального обмена репликами, что вполне понятно. Ответа ни на один из следующих вопросов он не знал, и это было хорошо и правильно. Напряжение от еще одного попадания могло бы его убить.

Он закрыл чат, посмотрел на Хамзу, который снова вернулся в кресло, глядя на баланс банковского счета на компьютере. Казалось, он оглушен или даже слегка одурманен.

Уилл откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

Всего лишь апельсины, подумал он. Фрукты, бог ты мой! Фрукты. Ну какой тут может быть вред?

Глава 4

Преподобный Хосайя Брэнсон сморгнул пот с век и пристально всмотрелся в стоявшую перед ним женщину. Она улыбнулась ему; глаза ее блестели восторгом. Она не была красива, но была серьезна и преданна, и это компенсировало некоторую простоту ее черт.

Брэнсон ощутил, как его захлестывает волна экстаза. Он закинул голову назад, закрыв глаза, и поток неразборчивых звуков хлынул из обмякших губ, язык, казалось, его не слушался.

Он напрягся, потянулся вперед и положил руки на лицо женщины. Ее ресницы, касаясь ладоней преподобного, дрожали, напоминая лапки паука.

Последний судорожный вдох – и он оттолкнул от себя лицо девушки, его завывания стихли. Брэнсон широко раскинул руки, потом соединил их перед собой, обняв воздух. И открыл глаза.

Служки подхватили падающую девушку, и она лежала у них на руках, как новорожденная, тощие бледные руки и ноги повисли, будто бескостные. Брэнсон протянул к ней руку, изобразив широкую, уверенную улыбку.

Девушка вцепилась в руку слабыми пальцами, они дрожали. Хосайя потянул ее, поставил на ноги.

– Иди ныне, и ходи в свете Господнем, – произнес он, и микрофон на лацкане усилил его голос в сотню раз.

Девушка разразилась потоком слез, перемежаемых судорожными вздохами, лицо ее покраснелось. Ожили прожектора в потолке, полыхнули светом, очерчивая для нее путь обратно в публику. Появилась одна из «сестер», взяла ее под руку и осторожно повела прочь.

Брэнсон чувствовал усталость. Работа получилась хорошая, но отняла много сил. Она будет на сегодня последней.

Он повернулся лицом к пастве: тысячи и тысячи людей, неровными рядами стоявшие перед ним в соборе. Нескончаемое движение предстало перед его взглядом – люди раскачивались, пританцовывали, хлопали в ладоши, пораженные сияющей истиной Господней.

Шум собрания, идеально поддержанный пением на хорах слева от алтаря, наполнял собор – его прекрасный дворец цветного стекла.

Проповедник воздел руки над головой, хор взял долгую ноту – и резко замолчал. Стихла аудитория, готовая принять то, для чего пришла: финальную проповедь дня.

– Оракул... – тихо заговорил проповедник, и микрофон на лацкане подхватил его голос, наполняя собор.

Несколько проклятий из публики, но в основном почтительное, ожидающее молчание.

– Оракул – яд, – произнес Хосайя. – Это чудовище, через свой Сайт скармливающее миру ложь. Мне печально, до самых глубин души моей печально видеть, как неразумные, в вере нестойкие люди поддаются на эту игру мошенников.

Он замолчал, вынул из нагрудного кармана платок, промокнул лоб. Глубокий вдох – и он бросился в следующую фразу – с багровым лицом, извергая кипящую серу, ожидаемую паствой:

– «Исход», глава двадцатая, стих пятый: «Не поклоняйтесь идолам и не служите им, ибо Я Господь, Бог ваш, *не потерплю*, чтобы Мой народ поклонялся другим богам»! Слышите, вы? На тех, кто поклоняется самозванцам, Бог обрушит *отмщение* свое. Ибо Он – Бог ревнивый! И так им и надо, ибо лишь Он есть истинный Бог, и горе – горе, говорю я! – тем, кто ослушается его. «Исход», глава двадцатая, стих шестой: «Но Я буду милостив к тем, кто любит Меня и повинуется Моим наказам, буду милостив к их семействам на тысячи поколений»! Этот Оракул – орудие дьявола. Вполне может быть, что он дьявол и есть. Мы ведем войну, друзья мои, войну со злом, присутствующим в нашей повседневной жизни в соблазнительном, новом виде.

Этот Сайт... он продает нам лживые басни, выдавая их за великие дары. Дивно ли, что столько безумцев поддались в эти безбожные времена на игру дьявола? Но вопреки всему этому я *надеюсь*, друзья мои. У меня есть *надежда*, потому что я знаю: вы, мои солдаты Христа... вы хорошо вооружены для битвы с этим лукавым злодеем. У вас есть то единственное оружие, которое вам нужно.

Хосайя вытянул руку назад ладонью вверх. Служка шлепнул ему в руку книгу в кожаном переплете – с мясистым, довольным звуком. Брэнсон протянул руку к слушателям, и прожектора блеснули на золотых словах, тисненых на переплете.

– Вот оно! Слово самого Господа! Священная Библия!

Мощным хором одобрения отозвалась толпа: аминь, аллилуйя... Хосайя отметил, что его служители расхаживают по проходам с блюдами для пожертвований.

– Разоблачайте Сайт. Разоблачайте Оракула всюду и везде где сможете. Знайте, что я с вами в этой битве, с вами наши братья и сестры по всему миру. Да благословит вас Бог, и до скорой встречи!

Хосайя кивнул одному из служителей – рослому человеку по имени Генри, и тот со всеми прочими быстро выстроился за ним клином, острием которого стал проповедник. Телевизионные камеры по обе стороны паперти задвигались, снимая сцену в различных ракурсах.

Брэнсон воздел руки к небу. Он знал, что так же поступили все стоящие за ним служки. У них были ярко-синие куртки и красные штаны, и были они похожи на взвод французских зуавов. Его маленькая армия – и он сам, в ослепительно-белом костюме, ярче всего, что выделяли прожектора, стоит перед фронтом как генерал, в центре внимания публики.

Свет погас. Сопровождаемый служителями Хосайя незаметно вышел в дверь сразу за сценой слева и оказался в длинном тускло освещенном коридоре. Ковер здесь был темно-кремовый, стены выкрашены в тот же самый цвет. Как только дверь закрылась – служки остались снаружи, следя, чтобы она так и осталась закрытой, – шум толпы стих. Звукоизоляция здесь была сделана тщательно. После хаоса собора погрузиться в эту тишину было как в ванну теплого молока.

Брэнсон прошел по коридору, вошел в другую дверь и оказался у себя в кабинете. Тяжело плюхнувшись за стол в кресло, он глубоко вздохнул. Потер переносицу, сдвигая очки на лоб. Отпустив их, чтобы упали на место, он той же рукой провел по лысому черепу. Скривился, ощутив рукой обильный пот.

Проповедник посмотрел на часы – самой дешевой модели, которую можно купить на любом перекрестке. Не надо, чтобы телекамеры заметили что-нибудь слишком изысканное.

Брэнсон потянулся через стол – пустую, белую, как ледник, поверхность, протянул палец к кнопке, утопленной в столешницу. Поставил палец на кнопку, но заколебался, перед тем как нажать.

Давай, Хосайя. Отдери этот чертов пластырь, подумал он.

И нажал кнопку. Она с еле слышным щелчком подалась вниз, и едва успела вернуться в прежнее положение, как в стену напротив стола постучали.

– Войди, – позвал Хосайя.

Открылась ранее невидимая в стене щель, расширилась до двери. Вошел невероятно тощий молодой человек – брат Джонас Блок, правая рука Брэнсона. Мрачное нахмуренное лицо возвышалось над черным костюмом, черным галстуком и ослепительно-белой рубашкой. Шик гробовщика.

– Вы звали меня, ваше преподобие?

– Звал, Джонас.

Брат Джонас никогда не мог похвастать здоровым цветом лица, но сейчас он был положительно похож на труп – будто был сделан из белого воска. Взгляд его метался из стороны в сторону – он не мог посмотреть в глаза Брэнсону. Не слишком благоприятный признак.

– Я полагаю, это произошло? – спросил Брэнсон.

– Да, сэр. – Рот у Джонаса скривился, взгляд на секунду дернулся в сторону проповедника. – Предсказания Сайта о выигрыше в лотерею женщины в Боулдере. Подтвердились несколько минут назад. Но это не...

Брэнсон с размаху хлопнул рукой по столу. Он почти двадцать тысяч долларов потратил, чтобы в этом помещении не было никакой акустики, насколько это возможно, и все же хлопок хлестнул, как выстрел, наполнив кабинет.

Проповедник развернул кресло, отворачиваясь от Джонаса, взялся рукой за запястье. Оглядел кабинет – обстановка приглушенных тонов, лишь несколько со вкусом размещенных там и сям цветowych пятен. Синяя лампа, диван, обтянутый шелком цвета морской волны. Большая картина на стене прямо за спиной.

Святилище.

Рука заныла от удара. Он посмотрел на стену, на картину и прищурился.

Кисть филиппинского художника густыми мазками масла изобразила процессию кающихся, идущую по улицам Манилы в пасхальное воскресенье. Каждый год находились люди, подвергающие себя распятию для подтверждения своей веры. Истинно верные всаживали гвозди себе в руки и надевали терновые венцы.

– Сэр... – осторожно произнес Джонас. – Это еще не все.

– Что еще? – устало спросил Брэнсон.

– Вы знаете, что время от времени на Сайте появляются новые предсказания, по несколько зараз?

– Знаю, конечно.

– Когда подтвердился выигрыш в лотерею в Колорадо, появился новый набор. Всего три предсказания, но одно там...

Джонас осекся.

Хосайя повернулся к нему лицом, хлопнул еще одну кнопку на столе, и без звука над столом поднялся экран, за ним клавиатура. Брэнсон сел и нажал несколько клавиш, вызвав страницу Си-эн-эн. Уставился на экран. Прошла долгая секунда.

– Одно из них, сэр... – снова начал Джонас, проглотил слюну, издал горлом какое-то лягушачье кваканье, отчетливо прозвучавшее в тишине кабинета, и договорил: – Оно про вас.

Так оно и было. Короче прочих предсказаний, просто одно невинное предложение.

23 АВГУСТА: ЕГО ПРЕПОДОБИЕ ХОСАЙЯ БРЭНСОН ПОПЕРЧИТ СВОЙ СТЕЙК.

– Прошу прощения, ваше преподобие, – сказал Джонас.

Не более десяти слов, но они меняли все.

Вообще все.

Глава 5

Официант – пожилой мужчина в переднике – осторожно поставил в середину стола белое блюдо. На нем лежал одинокий огромный стейк из филейной части, окруженный почти кипящим, соблазнительно пахнущим озером сока.

– Очень, очень горячо, – сказал официант с легким немецким акцентом, глядя в глаза одновременно Уиллу и Хамзе. – Не прикасайтесь – пожалеете.

– Понял, – ответил Хамза. – Я тут бывал.

Официант достал ножи и стал резать стейк и раскладывать его на порции, протаскивая мясо через шипящую лужицу расплавленного масла на блюде. Положил немного соуса из шпината, картофельного пюре, долил бокалы и отбыл, последний раз показав пальцем на блюдо.

Уилл взял вилку и насадил кусок мяса. Уставился на него.

– Понимаю, – сказал Хамза. – Насладись моментом. Отныне твоя жизнь навсегда разделится на время до того, как ты попробовал это мясо, и после. В этом мире нет другого такого заведения, как «Питер Люгерс». Здесь, в Уильямсберге, лучшие в мире стейки с одна тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года. Почувствуй это.

– Я не потому жду, – ответил Уилл. – Я просто... все это трудно в голове уложить. Вот кусок мяса ценой в девяносто долларов. Весь обед обойдется в три сотни баксов. Для меня это месячный бюджет на продукты. Все это кажется...

Уилл положил вилку на тарелку. Хамза проводил ее взглядом, нахмурился.

– Ну нет, не дай ему остыть.

– Ты сказал, что ты здесь бывал, Хамза. А я нет. Я думал, что еще миллион лет в таком заведении не окажусь.

– Можем себе позволить, Уилл. Ешь здесь хоть целый месяц – и это не скажется на твоих финансах.

– Не в этом дело. У меня все инстинкты отключились, я не знаю, что делать. С самого моего приезда в Нью-Йорк я добрую часть каждого дня проводил в беспокойстве, когда мне предложат следующее выступление. И хватит ли мне этих предложений, чтобы снимать квартиру, платить по счетам и есть.

– Тебе можно об этом больше не думать.

– Знаю. Но не знаю, о чем мне думать теперь. Я хотел получить все эти деньги, потому что полагается хотеть денег. А теперь... мне трудно поверить, что все это вообще надолго. Слишком колоссальная перемена. И я все жду, что случится что-то для равновесия, что все это испортит.

Хамза показал на вилку Уилла:

– Бери и ешь, а я тебе тогда расскажу, как с этим справляться.

«И правда невероятно пахнет», – подумал Уилл.

Он положил кусок в рот. Стейк был нежный, вкусный, мягкий, и ничего лучшего Уиллу в жизни пробовать не приходилось.

– Давай, – сказал он.

– Ладно, – ответил Хамза. – Теперь смотри в свою тарелку и слушай меня. Когда я работал у «Кормен бразерс», то регулярно видел абсолютно бездарных кретинов уровня финдиректора и выше, которые каждый год получали бонус в пять миллионов баксов. Жалкие люди, сделавшие карьеру тем, что превзошли злобностью всех конкурентов. – Хамза подался вперед. – Не стоили они пяти миллионов долларов. Но все равно их получали и ничего с ними не случилось. Никакой не было кармической справедливости. Жили своей жизнью, давили всех, кто под руку попадался, и на следующий год получали еще пять миллионов баксов.

Хамза наколол кусочек стейка, сунул его в рот почти злобно. Прожевал, проглотил и показал вилок через стол.

– Ты ошарашен, Уилл, и это понятно. Перемены бывают трудны, а с тобой... с нами перемена случилась сейсмическая по сравнению с событиями жизни. Ты к ней привыкнешь, но самый большой шаг, который ты в эту сторону должен сделать, – перестать искать в предсказаниях какое-то *значение*. Ты залип на всей этой фигне про судьбу, так вот: ее просто *не бывает*. Случается то, что случается. Мой отец все время это говорил. Его всегда раздражало, что люди в Штатах держатся за моральную уверенность, что есть какой-то Большой План. Чертовски ясно, что для него и для моей матушки там, в Пакистане, это было совсем не так. Для него жизнь представляла собой хаос. Никто из нас ни для чего не предназначен. И никто из нас не предназначен для чего-нибудь. Жизнь – хаос, но еще и возможность, и риск, и как ты с ними управляешься. Если у тебя есть голова на плечах, получаешь вот это, – он показал на стол, уставленный деликатесами, – а если нет, то нет. И ничего больше.

Уилл покрутил вилок в шпинате, раздумывая. Хамза отпил вина, не отрывая глаз от друга.

– Да, но вот числа, – сказал Уилл.

– Числа?

– Двадцать три, двенадцать, четыре. Последнее предсказание, если это оно.

– Брось, друг, – сказал Хамза с едва заметным нетерпением в голосе. – У тебя нет ничего, что навело бы на мысль, будто эти номера вообще что-нибудь значат. Надо работать с тем, что знаешь, а не с тем, что предчувствуешь. Не надо... не надо себя гробить.

– А я это делаю? – спросил Уилл.

– Не знаю, – ответил Хамза. – Надеюсь, что нет. Но я заметил, что ты вывесил на Сайт три новых предсказания.

Уилл поднял взгляд:

– Да. Безобидные вещи.

– Но третье из них... про Хосайю Брэнсона, – сказал Хамза.

– Ага, – ответил Уилл. – Ты же слышал, что он говорит обо мне. А у меня было предсказание про него – слишком хорошо, чтобы не пустить в ход. Жаль, я его рожи не видел, когда он это прочел.

Уилл съел еще кусок, прожевывая его очень тщательно, будто ожидая вызова.

– Про тебя Брэнсон ничего не говорит, Уилл, – возразил Хамза. – Он все это говорит про Оракула. Не стоит переводить дело в личную плоскость. Вообще никогда. И мы только что продали предсказание за полмиллиарда долларов. Я не уверен, что имеет смысл выдавать следующие. Сайт свое дело сделал. Это не «Фейсбук», там обновления выкладывать необязательно.

Уилл скривился. Худшей привычкой Хамзы было его стремление объяснять.

– Я знаю, что я всего лишь тупой басист, Хамза, не инвестиционный банкир, но давай я немножко буду своей головой соображать? Мне кажется, я могу понять, когда предсказание чего-то стоит, – сказал он. – И кстати, сколько нам на самом деле денег нужно? Когда мы остановимся?

– Когда наберем столько, что в буквальном смысле будет не важно, как мы их достали. Если даже узнают, что Сайт – это мы, у нас будет достаточно денег для полной неуязвимости.

– А это сколько?

– Больше, чем у нас есть сейчас. Но я составляю планы. Этим я занят. Деньги требуют работы. Подставные компании, множественные счета и все прочее. Одно дело – иметь пару миллиардов на офшорных счетах, и куда сложнее – сделать их доступными в ближайшем банке. Может, придется обходиться парой сотен тысяч, что я тебе выдал. По крайней мере пока.

Уилл обдумал это.

– Ты говорил с Флоридскими Леди? Может быть, они помогли бы. Ведь за это же мы им и платим?

Хамза поморщился:

– Я не стану их привлекать плотнее, чем сейчас. Они чудесно работают и стоят каждого пенни из тех огромных гонораров, что с нас требуют, но если тебе все равно, я бы предпочел, чтобы номера наших банковских счетов они не знали. Этим занимаюсь я, Уилл, и пусть оно так и останется.

Наступила неловкая пауза.

– Ну, в общем, так, – сказал Уилл.

– В общем, так, – согласился Хамза. – И не так все плохо. Я выплатил кредиты, которые за мной шли с самого ухода из банка, и студенческие ссуды еще. И за Мико. Ничего такого, но чертовски приятно.

Уилл допил вино и устался на дно бокала.

– И как ты объяснил эти деньги? Она все еще спрашивает?

– А ты как думал? Она приняла как должное, что Провидение благословило ее талантливому мужу миллионами долларов? Конечно, спрашивает.

– И что ты ей говоришь?

– Говорю, что мы с тобой получаем сейчас кучу венчурных денег, что более или менее правда. Она этому не верит, но у нас есть негласный договор. Она ведь меня любит? И знает, что я люблю ее. И если по какой-то причине я не хочу ей говорить, что делаю, она достаточно мне доверяет, чтобы считать эту причину серьезной, верит, что я не делаю ничего ужасного и что расскажу ей правду, когда смогу. Но, – добавил он, – вечно так тянуться не будет. И я не хотел бы, чтобы так было. Такое молчание между нами – оно растет и рано или поздно станет проблемой. Скорее рано.

Уилл посмотрел на друга:

– Знаю, Хамза, и я это ценю. Но чем больше людей будут знать... – Он понизил голос. – Ведь Оракул – я? И если люди это узнают, удар придется на меня. Я понимаю, что в конце концов тебе придется сказать Мико, но мы уже почти закончили. Продадим еще несколько предсказаний, станем, как ты это назвал, неуязвимыми, и тогда Оракул исчезнет. И ты ей тогда скажешь, о'кей?

Хамза после короткого колебания кивнул.

Он налил Уиллу вина и вылил себе остатки. Потом поднял бокал.

– Хватит уже взаимных обвинений и прочей чуши. У нас сегодня праздник, друг. За самую дикую бизнес-идею, что была в моей жизни, и за то, что мы ее реализовали. Ну, и за чертовски хорошего бизнес-партнера.

– Согласен по всем пунктам, – сказал Уилл и чокнулся с Хамзой.

Какое-то время они в молчании поглощали стейк. Он чуть остыл, но хуже не стал.

– Слушай, – сказал Хамза чуть натянуто. – Но, может, в следующий раз, когда захочешь что-то выложить на Сайт, сперва поговоришь со мной? Единственное, что может нас утопить во всем этом деле, это если кто-то нас раскроет до того, как мы будем готовы. Ты выкладываешь предсказания так, как велели нам Флоридские Леди?

– Да, – ответил Уилл. – Но с каких это пор ты так тревожишься за Леди и их многочисленные рекомендации?

– Я знаю, зачем они нам нужны. Я хочу, чтобы наша операция была более закрытой, вот и все. И вообще я уверен, что все в порядке. Иначе бы мы с тобой уже сидели где-то в камере ФБР.

– ФБР? – спросил Уилл, поднимая бокал. – Брось. Мы не преступники.

Глава 6

Джим Франклин, ныне занимающий с трудом заработанную и дорогую для него должность главного копа страны – директора Федерального бюро расследований, – думал о преступлении. О том, чтобы его совершить.

– Джентльмены, ну вот опять, – заявил Энтони Лейхтен, глава аппарата Белого дома, он же намеченная жертва.

На шее у Лейхтена дергалась надувшимся валиком толстая, нездоровая подушка жира. Невозможно было поверить, что он каждый день умудряется завязать галстук – рубашки, наверное, ему шьются на заказ. Похож был на лягушку-быка. Надутую лягушку с розовой кожей, снежно-белыми волосами и круглыми очками, от которых глаза казались водянистыми и тусклыми.

Хотелось вцепиться в эту шейную подушку и задушить, задвинуть пальцы в жир так, чтобы уже никогда, никогда больше не слышать снисходительного ханжеского голоса главы аппарата.

Франклин отвел взгляд, подавляя порыв. Рядом с ним на заснеженном южном газоне Белого дома стоял еще один человек – низенький, невероятно худой, странного вида, в форме генерал-лейтенанта армии США. Это был Лайнус Хальворссон, глава Агентства национальной безопасности. Франклин не очень хорошо его знал, несмотря на частое сотрудничество их организаций. АНБ заработало себе репутацию приюта кое-как социализированных математических гениев и хакеров – или же любителей подсматривать, получающих удовольствие от чтения писем всей страны. В те немногие разы, когда Франклин имел дело непосредственно с Хальворссоном, этот человек оправдывал оба мнения.

Лейхтен держал обломок ветки длиной фута в два, постукивая им по мясистой ладони. Потом запустил через всю лужайку. Пушистый черно-белый сибирский хаски, следовавший за ним по пятам, бросился за ней. Все трое смотрели собаке вслед.

– Ему тут летом здорово жарко, но президенту некуда было деваться. Бросить питомца в Миннесоте – это скажется на выборах куда хуже, чем любые дипломатические инциденты. Собак люди действительно любят.

– Полагаю, что да, – ответил Франклин.

Лайнус Хальворссон промолчал.

Собака вернулась, гордо неся палку в зубах. Лейхтен наклонился ее взять, взъерошил мохнатую шерсть.

– Молодец, Жулик. Хороший пес.

И печально посмотрел на обоих директоров.

– Я говорил президенту, что не стоит доверять дочери выбор клички, но ей было всего три года, и отказать ей он не мог. Как по мне, ему бы следовало быть с ней чуть строже.

Лейхтен выпрямился, посмотрел на своих собеседников холодным взглядом.

– Если бы вы знали имя, кто-то из вас мне бы уже позвонил, – сказал он. – Поэтому я знаю: Оракула вы не нашли. У вас был месяц. В чем, черт побери, проблема?

– Послушай, Тони, мы тебе все время посылаем доклады о ходе работы, и ты...

Лейхтен поднял палец. Франклин стиснул зубы.

– Дерьмо собачье эти доклады, Джим. Жулик таких докладов выдает по два в день.

У Франклина руки действительно дернулись, судорожно сжавшись в кулаки в карманах.

– Времени мало, джентльмены, – продолжал Лейхтен. – Сейчас год выборов, и тот человек, который назначил вас обоих, собирается идти на второй срок. Поскольку я случайно отвечаю за то, чтобы он этот второй срок выиграл, я просто изумлен, что вы не стараетесь меня порадовать.

Лейхтен сделал паузу.

– Войны за свободу, которые сейчас ведет наша страна, экономические проблемы, стоящие перед средним классом, контроль над оружием, беспорядок в здравоохранении, доставшийся нам по наследству, иммиграционная реформа, противостояние синих и красных штатов... ничего из этого не является неожиданностью. И непреодолимой трудностью тоже не является. – Лейхтен поджал губы: – Но почему-то мне не удалось предсказать появление человека, который, по всей видимости, умеет предвидеть будущее. Вопреки прочим проблемам, стоящим перед страной, этот *Оракул* американскому народу небезразличен. Этот засранец – блестящий оппонент нашего президента – упомянул Сайт уже в трех речах. Его позиция проста: он привлекает внимание к факту, что мы не можем ни найти, ни объяснить Оракула, что свидетельствует о слабости президента – вашего босса.

Лейхтен заговорил сочувственно:

– Конечно, вы понимаете всю трудность нашего положения. Помимо того факта, что мы действительно *не можем* ни найти, ни объяснить Оракула, мы и позицию сформулировать не можем. Мы не можем действовать, пока не узнаем, *что такое* этот Оракул. То ли он просто жулик из Вегаса, то ли этот Сайт – хитрое творение иностранной державы, чтобы нас дестабилизировать, то ли вообще бог его знает что. И все это очень, очень нам вредит. Практически этот... базарный гадалщик загораживает президенту Грину дорогу ко второму сроку.

От этой речи лицо Лейхтена покраснело и стало похоже на сахарную вату. Он замолчал, успокаиваясь, и снова обратился к двоим собеседникам:

– И вот сейчас я хочу услышать от вас что-нибудь хорошее.

Хальворссон и Франклин переглянулись. Глава АНБ пожал плечами и заговорил первым:

– Мы перехватили обмен информацией, наводящий на мысль, что Оракул встречался с высокопоставленными представителями больших транснациональных корпораций, а также с некоторыми богатыми личностями.

– Понимаю. С кем?

– Во-первых, Барри Стернфелд. Про него мы уверены на девяносто процентов. Второй – Нгомбе Мутумбо, хотя здесь мы меньше уверены.

– Стернфелд? Он вкладывал миллионы в первую кампанию президента. Друг нашей администрации. И вы говорите, он встречался... то есть Оракул проводит встречи? Какого хрена мы тогда не знаем его фамилии? Почему сами, черт побери, встречу не организуем?

Хальворссон кашлянул.

– Это все делается скрытно, сэр. Встречи происходят по Интернету, законспирированно, с использованием специально разработанных, разового применения средств, делающих отслеживание практически невозможным. Записей не остается. Мы умеем работать, сэр, но чудеса не творим. Если бы мы знали о такой встрече заранее, смогли бы что-нибудь сделать, но мы узнаём только постфактум. Со временем, быть может...

– Снова собачий кал, Хальворссон, – прервал Лейхтен, потемнев лицом. – Меня начинает всерьез тошнить от этого запаха. Свяжитесь со Стернфелдом! Спросите его, как он вошел в контакт с Оракулом. Не операция на мозге, черт побери!

Вмешался Франклин:

– Послушай, Тони, есть идея. Дай нам пару минут тебе рассказать, что происходит, а потом выдавай свои гениальные предложения. Не считай нас идиотами.

Лейхтен просветлел лицом, повернулся к Франклину, слегка улыбаясь.

– Я буду считать вас идиотами, пока не будет доказано обратное. Вами, директор. Что до моих предложений, вам они могут не нравиться, но заверяю вас, что они нравятся президенту. Например, я мог бы предложить ему обдумать, не стоит ли сменить главу ФБР. Встряхнуть залежалое. Добавить свежей крови, убавить старой. Мои слова да президенту в уши. Есть

пища для размышлений. – Лейхтен смотрел на Франклина поверх очков холодными синими глазами. – Но пожалуйста, продолжай. Расскажи мне, что происходит.

Франклин с досадой вдохнул холодный зимний воздух, задержал его в легких и на выдохе посмотрел на Лейхтена.

– Ладно, – сказал он. – Вот как обстоит дело. Мои люди слышали о встрече Оракула, описанной директором Хальворссоном, но никаких подробностей мы добыть не смогли. Либо клиенты Оракула слишком напуганы, чтобы говорить, либо он им дал что-то настолько ценное, что наши угрозы это не перевешивают. Уверен, что Лайнус столкнулся с теми же трудностями.

Он посмотрел на Хальворссона. Тот кивнул – один раз, медленно, но ни слова не сказал. Теперь Франклину захотелось и его ударить. Надо быстро сворачивать это совещание, иначе он окажется в суде за нанесение тяжких телесных.

Он надеялся, что дроны Хальворссона что-то нашли, но вроде бы не тот случай. С каждой секундой становилось ясно, что Франклину придется делать то, чего он от всей души, искренне делать не хотел.

– Мы думаем, что Оракул торгует предсказаниями, – продолжал он.

– Ага, – ответил Лейхтен. – Я боялся, что так и будет. Я бы сам так делал, если бы знал будущее. Что он продает? Конкретно?

Франклин скрипнул зубами:

– Еще раз повторю: мы не знаем. Как уже сообщил директор Хальворссон, разговор шел по совершенно засекреченной линии, а наши источники – не те люди, которые участвовали в переговорах с Оракулом. У нас все из вторых рук: разговоры в курилке, помощник руководителя что-то подслушал – вот такого уровня сведения. Подобраться к кому-то, реально владеющему информацией, мы не можем. Они заплатили за нее кучу денег и делиться не расположены.

Жулик подскочил к людям, рассыпая на каждом шагу снежную пыль, и забегал вокруг ног главы аппарата. Лейхтен нагнулся, дернул за ошейник. Жулик взвизгнул и повалился набок, глядя обиженными глазами.

– Черт побери, заберите кто-нибудь эту тварь в дом, – сказал Лейхтен, обернулся и махнул стоящим неподалеку людям из секретной службы. Один из них что-то сказал негромко в микрофон на лацкане, потом подошел и увел Жулика прочь. Лейхтен подбоченился: – Такие ответы я принимать отказываюсь, – заявил он. – Этот человек создает себе базу власти, вступает в союз с представителями самых могущественных людей и корпораций в мире. Зачем? У вас есть хоть какая-то полезная для меня информация? Хоть что-то?

– Есть одна вещь, – сказал Хальворссон.

Франклин удивленно обернулся к нему.

– Мы смогли отследить некоторые крупные платежи, произведенные лицами и организациями, находящимися, как нам известно, в контакте с Оракулом. Выплаты были направлены в один и тот же банк на Каймановых островах, хотя все на разные номера счетов.

Лейхтен поджал губы:

– Сколько?

– Разные были суммы, но все не меньше десяти миллионов долларов, – ответил Хальворссон. – Самые крупные – порядка сотен миллионов. В общем итоге чуть больше двух миллиардов.

– Прекрасно. И на что он их тратит? – рявкнул Лейхтен. – На пару миллиардов долларов можно закупиться «АК-47». Можно построить тренировочные лагеря террористов по всему Ближнему Востоку. Можно нехило продвинуться к созданию атомной бомбы. Он-то на что их тратит?

Франклин и Хальворссон смотрели на него молча, и молчание затянулось на несколько секунд. Лейхтен сложил руки на груди и отвернулся.

– Ладно, значит, так, – сказал он. – У меня еще много работы. Найдите Оракула. Или подготовьте для меня предложения, кем вас заменить.

Хальворссон наклонил голову и повернулся уходить. Франклин помедлил.

– Тони, можно мне еще буквально несколько минут? – спросил он.

Лейхтен удивленно поднял голову. Хальворссон уже отошел на несколько шагов, но тут запнулся – он явно не хотел уходить, раз беседа еще не окончена, но было слишком поздно, чтобы развернуться, не теряя достоинства.

– Две минуты, Джим, – ответил глава аппарата.

– Пойдем тогда, – предложил Франклин, показывая в конец лужайки, еще дальше от уходящего Хальворссона.

Они двинулись по проложенному Жуликом в снегу следу.

– Что там у тебя? – спросил Лейхтен.

Франклин сделал глубокий вдох, отчаянно жалея, что говорит не с президентом, а с этой жабой, захававшей себе доступ к начальству. Лейхтен смотрел на него с неприкрытым и жадным любопытством.

– Может быть, есть иной способ найти Оракула, – медленно сказал Франклин.

Лейхтен приподнял бровь:

– Вот как? И такой, что его нельзя обсуждать в присутствии директора Хальворссона?

Франклин кивнул:

– Подход этот необычен, Тони, и мне кажется, ты не захочешь, чтобы об этом нашем разговоре знал кто-нибудь, без кого можно обойтись.

– Понимаю. И ты уверен, что этот разговор нужен?

– Да, – просто ответил Франклин. – Если честно, я не думаю, что мы сможем найти тебе этого типа в ближайшее время. Он очень умно использует технологии. Вся его система задумана и создана так, чтобы не давать нам ничего, что можно расколоть. Мы, конечно, не АНБ, но техники у меня хорошо знают свое дело, и они мне говорят, что у нас просто нет технологий, чтобы взломать защиту Сайта за разумное время. Могут понадобиться годы. Мы работаем в эту сторону, но сейчас мы даже не знаем, куда ведут почтовые адреса. Мои люди могли бы поймать его сыщицкими методами, но для этого Оракул должен совершить какую-нибудь ошибку. Сейчас, когда у него есть деньги, ситуация поменялась. С одной стороны, это нам на пользу – деньги оставляют след. С другой стороны, можно нанимать людей, которые помогут замечать следы. Так или этак, работа детектива требует времени. Ты ясно дал понять, что времени у нас нет, и я склонен с тобой согласиться.

Лейхтен выдохнул, пустив длинный клуб пара.

– Джим, объясни мне, зачем я тут до сих пор стою с тобой. Если бы я хотел себе яйца отморозить, я бы твоей жене присунул.

Франклин улыбнулся Энтони Лейхтену – очень натянутой улыбкой.

– Я к этому подхожу, Тони, – сказал он, потом помолчал, заставляя себя успокоиться. – Я знаю человека, который мог бы нам найти Оракула. Быть может.

Лейхтен нахмурился:

– В одиночку?

– Не совсем. Обычно участвуют группы специалистов.

Франклин запнулся. Он думал о том, какое крысиное гнездо разворошат следующие его слова, и решал, стоит ли того Оракул.

Подумал... и рассказал Лейхтену про Тренера.

Глава 7

Преподобный Хосайя Брэнсон сидел в гостиной и смотрел в телевизор, показывающий видеосъемку его дома.

Джонас Блок стоял в дверях. Мария Брэнсон проводила его туда чуть раньше, ограничившись парой коротких фраз. Жена преподобного обычно напоминала бодро разговаривающего зверька из диснеевского мультфильма, но в этот вечер она казалась изможденной и опустошенной. Напряжение, охватившее «Брэнсон министриз» три дня назад, после предсказания Оракула, явно присутствовало и в их доме.

Джонас кашлянул. Брэнсон повернул голову, и разочарование на его лице тут же сменилось уверенной и приветливой улыбкой.

Брэнсон встал, подошел к Джонасу, хлопнул его по руке, крепко ее пожал. Одет он был в джинсы и футболку, волосы растрепаны, на лице грубая щетина, но улыбка... как неоновый крест над зданием «Брэнсон министриз», загорающийся на закате и видный на многие мили.

– Спасибо, брат Джонас, что пришел, – сказал его преподобие.

– Как же иначе, сэр. Я просто рад, что вы меня позвали. Мы все так волновались. Но вам нужно знать, нам звонили... ну, отовсюду звонили. И спрашивали про предсказание Оракула. Мы просто не знали, что делать.

Брэнсон показал на телевизор, где все еще в прямом эфире показывали его дом, а репортер, захлебываясь речью, строил догадки, зачем бы это мог быть вызван к его преподобию личный секретарь.

– Я знаю о вспышке интереса в медиа, – ответил Брэнсон. – Это с избыточной ясностью видно прямо из моего окна.

Джонас кивнул.

– Вы молились по этому поводу? – спросил он. – Просили научения?

Брэнсон потянулся за пультом и выключил телевизор:

– В определенном смысле.

Он прошел по комнате, миновал большую, тяжелую, деревянную дверь, неуместную на фоне шикарной мебели «Крейт энд баррель». Казалось, что в гостиную проповедника вдруг через какой-то телепорт занесло предмет из обстановки староанглийского имения. Как будто эта дверь нарочно была поставлена для возбуждения любопытства: что же за ней?

Брэнсон подошел к приставному столу, уставленному бутылками, стаканами и еще какими-то питейными принадлежностями, взял графин с янтарной жидкостью и налил две щедрые порции. Одну он передал Джонасу, другую поднял в безмолвном тосте и сделал глоток. Приподнял бровь и так держал ее, пока Джонас не поднес к губам свой стакан.

– Правда, восхитительно? – спросил Брэнсон. – «Биас Апостолес». Вряд ли где-либо можно найти «Пало Кортадо»² получше.

Джонас вежливо кивнул:

– Очень хорошее вино, ваше преподобие. Я не слишком разбираюсь, но оно очень вкусное.

Он смотрел на Брэнсона, ожидая объяснений, зачем его позвали, но их, похоже, не предполагалось. Его преподобие поднял полупустой стакан, покрутил им в воздухе, лицо его стало задумчивым – но только на секунду. Тут же вернулась широкая улыбка, но в ней появился намек на что-то тревожащее.

Джонас ощутил некоторую досаду.

---

² «Пало Кортадо» – сорт сухого хереса, в переводе с испанского: «перечеркнутая черта» – так обозначают бочки, в которых получается этот напиток. «Биас Апостолес» – название марки.

Этот человек будто понятия не имеет, что происходит вокруг его дома. У него в церкви. Его народ остался без руководителя, а он тут выпивает у себя в гостиной. Паства задает вопросы, все думают, будто его преподобие испугался, прячется в ужасе после предсказания Оракула, и это никак не помогало поддержать заявления Брэнсона, что этот человек – обманщик.

– Сэр, я понимаю, что когда Оракул вас назвал на Сайте, это было потрясением, но пожалуйста, скажите, что нам делать. Мы должны знать, как реагировать. У нас должен быть план.

– О, план у меня есть, Джонас. В конце концов, три дня прошло. Время мне воскреснуть, как ты думаешь?

Он повернулся к тяжелой деревянной двери, задумавшись. Сделал длинный глоток хереса, потом обернулся опять к Джонасу.

– Как ты думаешь, я хороший человек? – спросил он.

Джонас, обескураженный прямотой вопроса, понимал все же, что ответ может быть, естественно, только один.

– Да.

– Отлично, – сказал Брэнсон. – Я рад. И я тоже так думаю. В прошлом году «Брэнсон министр» собрала больше ста тридцати миллионов долларов и почти все их потратила. Чистая вода для Африки. Школы. Лекарства для бедных. Я не из тех проповедников-барышников, что выжимают из своей паствы каждое пенни и тратят на «Феррари» и пластическую хирургию.

Он показал рукой со стаканом на Джонаса.

– И ты, Джонас, как никто можешь быть уверен, что это правда. Ты мой ближайший помощник, ты видишь все. От тебя секретов нет.

Он снова посмотрел на деревянную дверь, потом опять на Джонаса.

– Иными словами, согласен ли ты, что наша церковь представляет собой ценность, и велика будет потеря, если ей придется исчезнуть?

– Да, конечно, ваше преподобие. Не думаю, что кто-нибудь сказал бы иначе.

– Согласен с тобой, – сказал Брэнсон. – Итак, мы установили, что я хороший человек, а созданное мной имеет ценность. – Он подался вперед, пристально глядя на Джонаса. – Но у меня есть тайна. – Он показал на деревянную дверь. – Она там.

Джонас невольно шагнул назад. Поставил на журнальный столик почти нетронутый бокал.

– Ваше преподобие, наверное, я должен уйти?

Брэнсон подошел к деревянной двери, вытаскивая из кармана большой железный ключ.

– Не говори глупостей, Джонас.

Он отпер дверь, открыл ее, шагнул внутрь, исчезая во мраке.

– Заходи. И свой херес возьми, вещь дорогая.

Джонас заколебался, но понял, что никак не может уйти, не узнав, что там за дверью.

Качая головой, он поднял свой стакан и пошел в соседнюю комнату за Брэнсоном.

Это была своего рода студия – тускло освещенная камера без окон, где свет давала лишь единственная лампочка на столе посреди комнаты. Лужица света была слишком слаба, чтобы многое рассмотреть – Джонас не смог определить размеры комнаты и мало что заметил из того, что в ней было. У него создалось неясное впечатление металла на стенах примерно на уровне груди, а больше почти ничего.

Брэнсон закрыл дверь, с металлическим щелчком вставшей на место щеколды изолировав комнату от мира, потом перебрался линейку переключателей справа от входа.

Ожили утопленные в стенах светильники. Под каждым в нише находился небольшой богато украшенный предмет из металла и стекла, тускло засиявший в изысканно-приглушенном свете. Стены отсвечивали малиновым; немногочисленная мебель резко контрастировала с

тусклой обыденностью кабинета Брэнсона в церкви или невзрачностью обстановки дома. Она была роскошна до чувственности.

Брэнсон перебросил еще один выключатель. В нише одной стены загорелся огонь, и по комнате заходили теплые танцующие отсветы от металлических предметов.

Проповедник подошел к нише, где стоял стеклянный цилиндр высотой примерно в фут, отделанный серебром, на четырех золотых ножках. Внутри было что-то непонятное, желто-коричневое. Взяв это в руки, проповедник повернулся к Джонасу.

– Знаешь, что это такое? – спросил он.

Джонас глянул с озадаченным лицом.

– Ума не приложу, ваше преподобие.

– Рака. Бренные останки святого Грата из Аосты. Умер в четыреста семидесятом году от Рождества Христова. Я думаю, это позвонок. Во всяком случае, мне так сказали, когда я его покупал.

Джонас оглядел комнату, отмечая еще много ниш, и ящики в них, и контейнеры из стекла и металла, содержащие куски плоти и костей почти неотличимых от того, что держал Брэнсон.

– И вот это все... – Джонас беспомощным жестом обвел комнату. – Ваше преподобие, это же *католические святые*! Не понимаю.

Брэнсон скупно улыбнулся.

– Не беспокойся, Джонас. Я не тайный папист. Я все тот же добрый старомодный американский протестант.

– Но зачем вы их храните... – начал Джонас.

Брэнсон шагнул к огню, что Джонасу показалось странным выбором. И без того тут было жарко, у него по спине тек пот.

– Мощи святых – приманка для туристов, – сказал Брэнсон. – Тысячи лет церкви по всему миру используют реликвии для привлечения верных, а рядом с каждой из них стоит кружка для пожертвований.

Брэнсон смотрел на кость в раке.

– Это и правда кусок хребта старины Грата? Или просто церкви нужно было залатать крышу, и пошел кто-то на погост да откопал себе чудо?

Он со спокойным лицом смотрел на Джонаса.

– Реликвии нелегко раздобыть, можешь мне поверить. Я уверен, что многие из них фальшивые, но это всех устраивает. В этом и смысл. Я их собираю, потому что они мне напоминают: я занимаюсь очень, очень древним бизнесом.

Он приподнял раку, встряхнул ее, вызвав еле слышный сухой перестук в цилиндре.

– Ладно, Джонас. Вот причина, по которой я тебя позвал сегодня. Я хочу тебе все выложить, а после этого ты решишь все-таки, хороший я человек или нет. Все очень просто: я не верю в Бога.

Джонас нахмурился.

– Вы пошатнулись в вере? – спросил он. – Это бывает, ваше преподобие, – то есть я слышал, что так бывает. Если хотите, чтобы я вам помог, мы можем помолиться вместе. Я все сделаю что могу, и для меня большая честь...

– Не надо, – перебил Брэнсон. – Я никогда в него не верил. Смысла не вижу.

Джонас промолчал.

– То есть это не совсем верно. Я верю в духовность, верю в добро. Но чушь из Библии? Со всеми *детальями*? Жвачка бездарная. Рекламная кампания. Бога на самом деле нет. По крайней мере в той версии, которую мы продаем нашей пастве. – Он снова поднял раку: – Эти вот точно такие же. Я коллекционирую кости святых, потому что они мне напоминают: вера материальна. Ее можно паковать, продавать и покупать.

Джонас чувствовал, что у него начинает дергаться глаз.

Это все была какая-то бессмыслица. Все, что он видел, что слышал, убеждало его: преподобный Хосайя Брэнсон – благочестивый, искренне верующий человек. Они вместе молились буквально сотни раз. И каждый раз это была ложь?

– Ты знаешь, что они тоже в это все не верят? – продолжал Брэнсон. – В смысле, наша паства.

Джонаса окатила горячая волна гнева:

– Это неправда!

– Еще как правда. Верили бы они все в Бога, который там наверху будет их судить, вели бы себя получше. А ты видишь, каковы они. Они лгут, они изменяют. И никого не стесняются.

Брэнсон осушил свой стакан и посмотрел на него с досадой.

– Всю бутылку надо было взять, – сказал он.

Поставил стакан на соседний стол.

– Давным-давно я много думал: что может сделать хороший человек за свою жизнь? Такое, что действительно на пользу братьям? Как математическая задача: сколько добра может совершить обыкновенный человек? И я сделал вывод, что очень немало – если и правда захочет встать на этот путь.

Но потом я посмотрел, что люди делают *реально*, и понял, что на самом деле очень мало. Крупицы. Люди ищут своего, и пусть они не причиняют друг другу вред нарочно, если могут этого не делать... но протянуть руку тому, кто в беде? Да бросьте! Почти всем приходится из кожи вон лезть, просто чтобы день прожить. И на мысли об остальном мире у их мозга просто пропускной способности не хватит.

Он улыбнулся Джонасу.

– Эта математика мне не понравилась. Она у меня досаду вызвала. И я решил поступить лучше. *Вот так*.

Он еще раз встряхнул раку.

– Ну так вот, говорю без обиняков. Да, я беру деньги – чемоданами беру – от многих и многих. Но я не вор. Я отдаю за них ценное. Наша паства... наши *клиенты* хотят чувствовать себя хорошими людьми, лучше других, и они готовы платить за это лишний доллар.

Вот чему служит наша церковь. Вот чему служит *каждая* церковь. Вот чего они все от нас хотят на самом деле. Посмотри мне в глаза и скажи, что это не так.

Джонас не отводил глаз от раки, пламя очага плясало на ней отсветами, и он понял, что не может поднять взгляд.

– Моя паства мне дает свою энергию, свою мощь, свои деньги и очень этим довольна. Если бы я это пустил в свою пользу, это было бы одно. Я был бы дьяволом. Но ведь я же так не поступаю? Я меняю мир. Я несу свет. Члены нашего прихода, каждый сам по себе, чего могли бы достичь? Да ни фиги, можешь мне поверить. Ничего ни против кого не имею, но мы с тобой знаем, что это маленькие люди, и жизнь у них маленькая. Иначе бы мы им не были нужны. Но посредством моей Церкви я беру у каждого из них самую капельку доброй воли, ту чуточку великодушия, что все-таки живет в их маленьких себялюбивых душонках, и все это складываю – в себя. Вот такая математика мне нравится. Она мне позволяет делать работу добра, к чему я всегда стремился. И теперь, – продолжал Брэнсон, – ко мне прислушиваются капитаны промышленности и титаны индустрии развлечений. Почему так, спросишь ты? Потому что у меня есть армия. Моя паства. Я что-то назову делом дьявола – они отшатнутся. Про другое я скажу, что оно благословенно Богом – и они бросятся покупать, голосовать, смотреть. Такова моя власть, и она меня ставит наравне с могущественными людьми. Ты знаешь, что мне президент Грин звонит раз в месяц? Просто поболтать. И я, обладая всей этой властью, употребляю ее на добро и только на добро. Сколько людей могли бы сказать о себе такое, будь они на моем месте?

До Джонаса дошло, что он уже десять минут выслушивает оправдания человека, зарабатывающего на жизнь враньем.

Он чувствовал приближение критического момента, когда его преподобие спросит его, Джонаса, как он поступит, услышав такие ужасные вещи. А что он ответит, он понятия не имел.

– Да, я не верю в Бога, – продолжал Брэнсон, – но я верю в веру. В ее мощь творить в мире добро. Этому принципу я посвятил всю свою жизнь. Но теперь...

Он снова поднял раку Грата из Аосты и улыбнулся ей.

– Кому оно теперь надо?

Он бросил раку в огонь. Она разбилась, тут же поднялась волна странного, какого-то грибного запаха.

Брэнсон шагнул к другой нише, вытащил вторую раку, махнул ею в сторону Джонаса. Лицо его преподобия стало красным – в комнате нарастала духота, и Джонасу не стало лучше, когда он понял, что это горящая человечина.

– Антоний Падуанский, Джонас. Ослы. Да, он покровитель ослов, боже ты мой!

Треск битого стекла – Антоний попал к Грату в пламя. Джонас отшатнулся от жара. Видно, предсказание Оракула лишило рассудка его преподобие. Хотелось убежать, вертелись панические мысли – предупредить Марию, увести ее из дому. Он подумал, что вдруг придется драться с Хосайей Брэнсоном, но даже представить себе такого не мог.

Проповедник шагнул к очередной нише, поднял хрустальную шкатулку – и она тоже полетела в огонь. Ароматы, поднимающиеся из пламени, приобрели новые оттенки: мускатный орех плюс острый химический запах.

У Джонаса возникло перед глазами отчетливое видение: Мария Брэнсон открывает дверь студии через несколько часов и видит своего мужа и его помощника мертвыми на полу перед камином, отравленных парами какого-то древнего консерванта.

Он шагнул вперед, положил руку на плечо Брэнсону.

– Ваше преподобие! Прошу вас, перестаньте. Что... что это вы делаете?

Хосайя посмотрел на Джонаса. Пот стекал у него по лбу, каплями застревая на бровях. Проповедник стер его рукавом.

– Это предсказание – прямая атака, Джонас! Он хочет подорвать мою репутацию, превратить меня в посмешище. И не только меня. Индуисты, мусульмане... всех это ждет. Мы неконкурентоспособны. Оракул еще не заявил, что он глас Божий, но это только вопрос времени. А тогда нам всем конец, потому что явился пророк, чьи предсказания исполняются. Вера, увы, штука нестойкая. Оракул делает то же, что и мы, просто... делает это лучше, и люди прислушиваются к нему. Переходят на его сторону. Сайт существует всего три месяца, а наши пожертвования упали уже на...

– Четырнадцать процентов, – подсказал Джонас, не задумываясь.

– Четырнадцать процентов, – повторил Брэнсон, кивая. – Нам нужно его остановить. Я не допущу, чтобы работу всей моей жизни загубил какой-то шарлатан!

– Шарлатан? – спросил Джонас. – Я... мне казалось, его предсказания...

– Да, шарлатан! Мошенник. Подделка. Человек. Я должен признаться, – продолжал Брэнсон, – в некотором сомнении. Раньше оно у меня было. Это предсказание обо мне... поперченный стейк... я не мог этого понять. Сперва не мог. Вот почему я так медлил и исчез на все эти дни. Просто чтобы обдумать.

Он положил руку Джонасу на плечо.

– Тебе нравится твоя должность, Джонас? Мне ты в ней нравишься. Ты очень хорошо ее исполняешь, и я хочу, чтобы она осталась за тобой. И чтобы каждый из трех сотен работников Церкви остался на своем месте. И у меня есть план, как это сделать, но один я не смогу, и мне нужен надежный человек. Сейчас ты можешь принять все, что я тебе сказал, а можешь уйти. Пойти прямо к репортерам – вон они там ждут на улице. Да вообще можешь перейти к Оракулу и попытаться все смести с лица земли.

Брэнсон подошел к столу у стены.

– Или, может быть... – он выдвинул ящик, вытащил папку толщиной примерно в дюйм, повернулся к Джонасу: – Может быть, сможешь чуть-чуть в меня поверить?

– Что это? – спросил Джонас.

– План битвы, – ответил Брэнсон. – Мы должны мобилизовать свои армии и набрать союзников. Я кое-что знаю про самых могущественных людей мира, и они знают, что мне это известно. Они верят, что я не пушу эти материалы в ход – в конце концов я человек Господа. Но это придает им охоты мне помогать, когда я прошу. И мы ниспровергнем Оракула, Джонас. – Он встряхнул папкой: – Все, что нам нужно, – это его найти. Мы это сделаем – и проблема будет решена. Я думаю, мы сможем. В конце концов с нами Бог.

Он снова улыбнулся сияющей неоновой улыбкой.

– Почему вы так уверены, ваше преподобие? – спросил Джонас. – В смысле, Оракул вроде бы умеет предсказывать события. Мы не знаем, на что он еще способен. Какие силы у него могут быть.

– Ничего, все будет в порядке, – ответил Брэнсон.

– Но откуда вы знаете?

Брэнсон протянул руку, взял стакан из руки у Джонаса. Улыбка его изменилась, она уже не была ликующей. А была хитрой и довольной.

– Я же тебе сказал, когда ты только вошел. Я знаю один секрет.

Джонас ждал, поняв наконец причину, по которой его позвали к Брэнсону домой. Все-таки этому человеку для хорошей работы нужна публика.

– Какой секрет, ваше преподобие?

– Оракул – не бог. Не волшебник. Он всего лишь человек, в этом нет сомнений. Хочешь знать, как я это понял?

– Как, сэр?

– А так, что его повело. – Брэнсон опустился в мягкое кресло, скрипнула кожаная обивка. – Это свое предсказание он послал мне, как пулю снайпера, как знак начала атаки. Но оно против него же и обернется, обещаю тебе.

Он глотнул хереса из стакана Джонаса, посмаковал не торопясь.

– Я сперва этого не понял. Меня самого повело слегка, наверное. Этот Сайт – он такой убедительный... даже я иногда забываю, что там все вранье. Но я вот что тебе скажу: в Оракуле ничего сверхъестественного нет.

Он провел пальцем по краю папки, взъерошил бумаги внутри.

– Этот дурак предсказывает, что я что-то сделаю. Что-то конкретное. То есть предположительно в такую-то дату поперчу свой стейк. Ну так вот, выбор-то у меня есть? Есть свобода воли? И когда придет время, Джонас... все просто, как я уже сказал. Я просто этого не сделаю.

– Но я не понимаю, как...

– Потому что, – продолжал Брэнсон, – я этот стейк буду есть в прямом эфире, в соборе, на камеры, и сигнал разойдется по всему свету. И я подниму эту перечницу, я на нее посмотрю, я улыбнусь – и поставлю ее на место, не встряхнув. И все как один увидят, что Оракул может ошибиться. А мы между сейчас и тогда задействуем все ресурсы, что у нас есть и что сможем привлечь, чтобы его найти. Мы его назовем и тем разрушим его власть!

Он поднял стакан хереса и осушил его.

– Оракул сам дал нам оружие, которым мы его победим. Он облажался – вот почему я знаю, что он человек.

Брэнсон перевел взгляд на огонь в камине, на пламя, питаемое почерневшими, дымящимися, разбитыми святыми.

– Потому что Бог ошибок не делает.

Глава 8

Сидя у кухонного стола, в окружении книг в переплетах и рассыпанных распечаток веб-страниц, Хамза изучал оглавление тома: «Швейцарский закон о национальном банке: трактат». Потом перелистнул несколько страниц и начал читать раздел о регулировании международного обмена валюты.

Даже вводный параграф оказался крысиным гнездом – набором предложений таких запутанных, что их надо было расчесывать, как прядильщик расчесывает шерсть, если хочешь добраться до смысла.

Вздыхнув, Хамза начал делать выписки.

Через пятнадцать минут, когда он пытался понять причины, почему Швейцария предпочитает держать долларовые резервы на счетах денежных рынков, зазвонил телефон. Не поднимая глаз от страницы, он потянулся через стол и взял трубку.

Тут только он сообразил, что это не его телефон звонит. Звук шел из спальни, где Мико проверяла работы. И там же стоял спутниковый телефон с непробиваемой защитой (и невероятной ценой), по которому он поддерживал контакт с очень тщательно отобранной группой лиц.

Хамза резко оторвался от книги, приподнялся на стуле и двинулся к спальне, зная, что уже слишком поздно. Телефон замолчал на середине звонка, и он услышал голос Мико:

– Алло?

Хамза остановился в дверях. Выражения лица Мико было достаточно, чтобы он понял, кто звонит.

– Минутку, – сказала она. – Сейчас я его позову.

В голосе ее слышалось вынужденное спокойствие, которое она обычно в себе вызывала, если ей очень надо было сдержаться. Он когда-то слышал этот голос в ее разговоре с учениками, когда весь четвертый класс готов был сорваться в полный хаос.

Она аккуратно закрыла микрофон рукой и обернулась к мужу.

– Хамза, – сказала она.

Тем же самым тоном, от которого он почувствовал себя четвероклассником.

– Послушай, Мико... – начал он.

Она подняла руку – он замолчал.

– Тебе звонит человек, который просит разговора с его величеством шейхом Хамзой Абу аль-Хайром, королем Коралловой Республики.

Он посмотрел на нее секунду.

– Да-да, это меня. Я только перенесу телефон в другую комнату.

Он протянул руку к трубке, Мико не шевельнулась.

– Я знаю, Хамза, что это тебя. Он представился как генерал Муата Кофу.

Они стояли, глядя друг на друга в упор. Хамза почувствовал, как пересохло во рту.

– Мико, я действительно должен взять трубку.

– Не сомневаюсь. Но получишь ты ее только в одном случае. Ты прямо сейчас дашь мне слово, что как только закончишь, *немедленно* мне расскажешь, что тут творится. Что это за Коралловая Республика, как получилось, что ты ее король, а самое важное – какого черта вы делаете с Уиллом Дандо. Я была с тобой невероятно терпелива, но это уже край. Все.

Она занесла палец свободной руки над кнопкой разрыва соединения.

– Нет! – сказал Хамза, почти прыгая за телефоном.

Мико шагнула назад, посмотрела на Хамзу неприязненно.

– Ладно, Мико, – сказал он. – Будь по-твоему.

– Клянись!

– Да черт побери, Мико! Клянусь.

Она передала ему телефон.

– Добрый день, генерал! – жизнерадостно сказал Хамза. – Прошу прощения за задержку и выражаю надежду, что она не принесла вам неудобств.

Он вышел из спальни, Мико за ним. Хамза сел у кухонного стола, лицом к стене. Мико переставила стул, села прямо напротив, так близко, что их колени соприкоснулись. и стала внимательно смотреть на Хамзу.

Он поморщился, но голос его оставался беззаботным.

– Это прекрасные новости, генерал. Я немедленно переведу вам вторую половину платы, как только ООН опубликует в своем регистре извещение о вашем признании Коралловой Республики. Благодарю вас за такое быстрое внимание к моей просьбе.

Взгляд Мико выражал теперь чистейшее непонимание. Хамза слушал голос в трубке. Замялся, глянув на Мико, но ответил:

– Да, согласованная нами сумма. Пятнадцать миллионов долларов США.

У Мико отвисла челюсть. Хамза бросил на нее умоляющий взгляд, приложил палец к губам, прося ее сохранять спокойствие.

– Разумеется, генерал. Признание в ООН не займет много времени. Мы и оглянуться не успеем, как наши страны будут соперничать на Олимпиаде. И разрешите мне сказать, что мне очень, очень приятно – мне и моим подданным – иметь в Африке такого союзника, как вы. – Он снова слушал голос в трубке. – Да, обязательно скоро свяжемся. До свидания.

Он нажал кнопку разъединения. Мико смотрела на него, так и не закрыв рот. Хамза вымученно улыбнулся ей.

– Ладно, давай с этим закончим. Честно говоря, это будет для меня облегчением. Позволь, я тебе кое-что покажу.

Он покопался в грудe бумаг на столе и вытащил плотный конверт. Открыл его и достал глянцевою фотографию, которую протянул жене.

Мико посмотрела на нее – вид с воздуха на какой-то остров. Маленький – о масштабе можно было судить по пальмам прямо рядом с пляжем. Белый, песчаный, он занимал почти весь берег, чередуясь с черными скалами вулканического вида и пышной зеленой растительностью. Следов обитания человека видно не было.

– Что это?

– Коралловая Республика, Мико. О которой я только что говорил с генералом.

Мико положила фотографию на стол.

– Генерал называл тебя королем.

– Да. А Уилл – премьер-министр. – Он сделал паузу. – И позволь уточнить, что ты получаешься тогда королевой.

Мико опустила голову на руки и стала изучать фотографии на столе. За спиной у нее с тихим жужжанием включился мотор холодильника.

– Хамза, милый мой, что за лапшу ты мне на уши вешаешь?

Хамза откинулся на спинку кресла, задрал голову, задумался. Через полминуты он посмотрел на жену.

– О'кей. Давай начнем с того, что мы богаты. Куда богаче, чем могли бы стать за всю жизнь, если бы я остался у Кормена. Нам никогда уже не придется думать о деньгах.

Мико моргнула:

– Неплохой способ начать.

– Я на это искренне надеялся, – ответил Хамза. – Есть шанс, что ты готова оставить этот вопрос?

Мико бросила на него взгляд.

– Нет такого шанса. Как мы стали богатыми и при чем тут Уилл? Разве тебе не пришлось в прошлом году оплатить за него счет за электричество?

Хамза скривил губы в быстрой улыбке:

– Хм. Я и забыл. Но послушай, Мико, Уилл нам вернул в миллион раз больше. В буквальном смысле.

– Хамза, как?

Хамза отвернулся, провел рукой по волосам. Мико не сводила с него взгляда.

– А, хрен с ним, – наконец выдал он. – Мико, это Сайт. Мы с Уиллом делаем Сайт.

Мико медленно приподняла брови:

– Что ты такое говоришь? Какой еще Сайт? Сайт про будущее?

– Да. Оракул – это Уилл. Я ему помогаю.

Мико прищурилась, Хамза ждал. Он знал, что она сейчас делает: ждет, чтобы он решил, что уже достаточно ее разыгрывал, и рассмеялся, или улыбнулся, или еще что-то.

Мико нахмурилась. Она встала из-за стола, подошла к холодильнику, со стуком бросила пару кубиков льда в стакан и налила воды.

– Тебе налить? – спросила она.

– Да нет, я... знаешь, да. Это будет хорошо.

Она налила ему другой стакан и поставила перед ним на стол. Губы ее скривились.

– Сейчас вернусь, – сказала она.

– Как? – спросил Хамза. – Остальное уже неинтересно?

Мико не ответила и вышла. Хамза смотрел ей вслед, не зная, что сказать.

Послышался звук принтера, выплюнувшего пару страниц. Мико вернулась, держа в руках два листа. Она села за кухонный стол и положила страницы рядом друг с другом. Хамза прочитал вверх ногами очень хорошо знакомый текст Сайта.

Она изучала предсказания не торопясь. Хамза молчал, не мешая ей. Потом Мико наконец подняла взгляд от бумаги.

– Сайт. Бог ты мой. Я перед этим звонком проверяла работы своих ребят. Сочинение было на вольную тему – я просила их написать про что-нибудь, влияющее на современный мир. И почти каждый написал про Оракула. – Мико постучала ногтем по распечаткам. – Где Уилл это взял? Откуда эти предсказания?

Хамза пожал плечами.

– Не знаю. И он не знает. Говорит, как-то проснулся в пять утра, будто выдернутый из сна. Знаешь, как это бывает – когда нет перехода между сном и явью. Ты бодрствуешь, но еще этого не чувствуешь. Во сне был только голос, сказал он, перечисляющий ряд событий, каждое с датой. Сто восемь различных вещей, и все должны произойти за ближайшие три года.

– Сто восемь? Почему именно такое число?

– Понятия не имею. Именно столько их было.

Мико о чем-то задумалась, невольно вздрогнула и посмотрела на Хамзу взглядом наполовину сердитым, наполовину смущенным.

– Хамза, до меня только что дошло: я же посылала на Сайт вопрос. Когда вы дали почтовый адрес, на которой можно было писать.

– Ты? И что ты спросила?

– Не твое дело. Это было личное. В том-то и дело! Я думала, что спрашиваю Оракула, а выходит, я спросила Уилла.

– Ну, я твоего вопроса не видел, и Уилл никогда о нем не говорил, если видел. Мы получили миллионы писем, Мико, и разобрали разве что сотню тысяч. Большую часть из них никогда никто и не прочтет.

– Зачем вы тогда просили задавать вопросы?

Хамза отпил глоток.

– Идея была в том, чтобы дать корпорациям и богатым людям возможность с нами связаться и чтобы при этом не было очевидно, что мы продаем предсказания.

– Но наверняка столько людей вам писали ради ответа, ради надежды. Вы хоть кому-нибудь ответили?

Хамза вдруг почувствовал себя очень-очень маленьким.

– Зачем ты мне врал? – спросила Мико, глаза ее пылали. – Ты мог мне сказать. Ты мне врал месяцами. В тот день, когда ты пришел домой, уволившись, ты мне не хотел сказать истинной причины. Нес чушь про биотехнический стартап, который ты курируешь, про все эти венчурные капиталы...

– Я хотел тебе сказать, Мико, но Уилл вбил себе в голову, что нужно сохранять анонимность, и он боялся, что если кто попало будет знать, кто он и что он знает, то все вскроется.

– Я твоя жена, а не кто попало! Ты думал, что мне нельзя доверять?

Хамза взял Мико за руку.

– Послушай, я тебе во всем могу доверять и знаю это. В этом суть, и поэтому ты моя жена. Но эта тайна была не моя.

Мико не стала отнимать руку, отметил он про себя с облегчением.

– Так почему ты сейчас мне говоришь? – спросила Мико. – Уилл передумал?

– Нет. Я тебе говорю потому, что ты моя жена и я тебе во всем могу довериться.

У Мико дернулся угол рта:

– Вот это, черт побери, правда. Дальше?

– Да практически уже все. Мы кое-что сделали, чтобы понять правила. Ну, в смысле, обязательно ли исполнится то, что он видел, или это можно переменить.

– И можно?

– Насколько нам понятно, нет. Пока что все происходило, как ему приснилось, даже когда мы пытались предотвратить выполнение предсказания или направить события по другому пути. Просто это... не получается.

– Жуть.

– С точки зрения продаж это потрясающе. Мы можем быть уверены в своем продукте... но ты права. Не все, что знает Уилл, хорошие вести, и он переживает, будто сам тому виной. Он неправ, все это не его вина, но я ему сочувствую. Нелегко ему.

Хамза остановился и посмотрел в другой угол кухни на минуту.

– Он, вероятно, самый знаменитый человек во всем мире, но не по-хорошему. Ты знаешь, какие у людей к нему чувства. Половина в ужасе от перспектив, которые сулит появление человека, знающего будущее, а вторая половина в ужасе просто так, и все хотят его убить.

– Не все.

Хамза закатил глаза:

– Ну да. Психи, говорящие о втором пришествии, или фаны НЛО.

Мико покачала головой:

– Нет, не так. Мои ученики им заморожены. Он подтверждает их подозрения – они достаточно молоды и верят в волшебство, а Оракул им прямо подыгрывает. И у меня было много разговоров с людьми, которые думают, что появление Оракула внушает надежду. Это значит, что существует план. Что жизнь – не цепь случайностей. – Она обхватила стакан ладонями: – По крайней мере я надеюсь, что это так.

– Почему? – спросил Хамза.

Мико подняла голову и посмотрела ему в глаза:

– Потому что я беременна.

Ошеломленный Хамза так и остался сидеть.

– О'кей, – сказала Мико. – Теперь расскажи мне, на черта нам вообще остров.

Глава 9

– Ты только посмотри, – сказал Эдди.

Юнион-сквер был забит народом. Какая-то демонстрация, может быть, протест. Над толпой кое-где торчали плакаты, но слишком далеко, не прочесть.

– Не сворачивай, Эдди, – сказала она. – Хочу посмотреть, что там.

– Если я не сверну с Бродвея, мы в этой пробке залипнем надолго, – возразил он, показывая на копошащиеся впереди машины. Они медленно, дюйм за дюймом, пробирались через поток пешеходов, уходя с Юнион-сквер. – Мы и так уже опаздываем, и если мы не свернем, то будет так поздно, что твоего интервьюируемого и след простынет.

– Под мою ответственность, – сказала Ли. – Давай ближе.

Эдди пожал плечами и вырулил из очереди машин, готовящихся свернуть с Бродвея. Фургон стал медленно продвигаться к Юнион-сквер, и Ли увидела, что по крайней мере одно слово на всех плакатах общее – Оракул.

– Я знаю, что это, – сказала она. – Демонстрация Оракула.

– Она сегодня?

– Чертовски на это похоже. Я хочу туда, событие выходит крупное. Даже не думала, что будет такой масштаб.

– Ли, ты что? Нельзя тебе туда!

– Это важнее. Через оцепление пройдем по карточкам прессы.

Руки Энди застыли на руле на десяти и двух часах:

– Наверняка «Нью-Йорк один» освещает событие.

– Эдди, делай, как я говорю!

Ли швырнула на приборную доску заметки к интервью, которое всего пятнадцать минут назад собиралась брать у знаменитого шеф-повара. Обернулась, схватила с заднего сиденья сумку и положила к себе на колени, стала копаться в поисках блокнота и ручки. Найдя их, столкнула сумку на пол и начала набрасывать эскиз репортажа без подводки, сжато записывая вопросы для будущих интервью.

Потянуло холодом – Эдди опустил стекло показать полисмену удостоверение репортера, и Ли отметила, как медленно ползет машина через толпу в поисках места для парковки.

– Ладно, – сказал Эдди, выключая мотор. – Давай это сделаем и смоемся. Ты уж прикрой меня, если у Реймера от таких дел шерсть на жопе дыбом встанет.

– За пропущенное дурацкое интервью он нас не уволит, – ответила Ли, опустив зеркало над лобовым стеклом и глядя, не надо ли подкраситься. – Оно было для заполнения места, если что-то вылетит при редактировании.

– За пропущенное интервью он тебя не уволит. А уволит он тебя потому, что и так имеет на тебя зуб за выходку со статьей про Сайт. Не знаю, зачем ты так настойчиво стараешься настроить его против себя.

– Если ты так думаешь, почему меня слушаешься?

Эдди ослабил и открыл водительскую дверь.

– Потому что тоже хочу посмотреть, что там делается. А если Реймер разозлится, так все достанется тебе. Я слишком талантлив, чтобы меня заменить.

Ли фыркнула.

Они вышли из фургона, Эдди отодвинул дверцу с пассажирской стороны, доставая камеру, сумку с аккумуляторами и прочее. Ли проверила собственную аппаратуру: беспроводной микрофон и соединение его с передатчиком, прицепленным сзади под пальто. Убедившись, что все работает нормально, она застегнула пальто, поправила шарф, натянула перчатки и взяла с переднего сиденья блокнот.

Эдди все еще готовился, так что Ли стала смотреть в толпу, пытаясь понять смысл происходящего и вспоминая, что читала про эту демонстрацию.

На дальнем конце Юнион-сквер загремел над толпой скрипучий голос из усилителей. Слов было не разобрать, но все равно все реагировали – приветственные и возмущенные вопли примерно в равной пропорции.

Наконец стали видны плакаты над толпой – шизофреническое сочетание про- и антиоракульских лозунгов. «СПАСИ НАС ОТ НАС САМИХ, ОРАКУЛ!», «ОРАКУЛ = НАДЕЖДА».

«ОРАКУЛ ЛЖЕТ ВО ИМЯ ДЬЯВОЛА!» – этот лозунг был весьма популярен. Напечатан красной краской, у буквы «О» – рога и остроконечный хвост. Кто-то постарался, растиражировал сотнями.

По краям парка стояла конная полиция, в толпе ходили пешие патрули по двое и по трое, тщательно высматривая... что? Ли помнила, что эта демонстрация – часть массового призыва к Оракулу открыть себя, одна из многих таких же, одновременно проводящихся в городах всего мира. Но она даже не думала, что будет такой масштаб – десять тысяч человек, если не больше, набились в парк.

– Ты знаешь, что Реймер этого все равно не поставит, что бы мы ни добыли, – сказал Эдди, водружая на плечо камеру. – Ты же не в новостной редакции работаешь, и он это явно дал понять. Для него это принцип.

– Знаю! – огрызнулась Ли. – Дело тут не в Йоханнесе Реймере и не в урбанити-мать-его-дот-ком. Мы с тобой – репортеры, это – событие. Мы должны его задокументировать.

Эдди показал на антенны прямой передачи в воздухе над толпой. Они окружали площадь со всех сторон.

– Ты не думаешь, что эти ребята просекли фишку? Мне эта атмосфера не нравится.

Ли отвернулась от толпы и улыбнулась Эдди самой милой улыбкой, какую только могла изобразить.

– Эдди, только десять минут в порядке личного одолжения. Пара интервью, и пойдем отсюда. Вдруг найдем сенсационный материал? А если она не пойдет в эфир, выложим в Интернет, включим в наше резюме и плюнем на эту дерьмовую лавочку.

– Детка, твоя дерьмовая лавочка – пятнадцать лет моей карьеры. Я ею более чем доволен. *Упаси меня бог быть такой довольной*, подумала Ли.

Она положила руку ему на локоть. Посмотрела ему в глаза, улыбаясь намеренно сверхискренней улыбкой.

– Пожалуйста, – сказала она.

Эдди минуту смотрел на нее, потом закатил глаза.

– Ладно, десять минут. Пулитцеры тут под ногами валяются, только подобрать.

Ли стала обходить толпу по кругу, Эдди следом, глядя, на кого направить камеру. Демонстранты были самые разные – по возрасту, полу, образу жизни – прямо вся карта мира. Единственное общее – серьезность выражений их лиц. Это не была увеселительная прогулка в парке ни для кого из них.

У северного края парковки возле входа в отель «Дабл-ю», держа руки в карманах и ссутулившись от холода, стояли двое мужчин. Они просто смотрели на демонстрацию как зачарованные. И плакатов ни у кого из них не было. Ли показала Эдди на них.

– К этим двоим?

– Без разницы, – ответил он.

Ли подошла к ним. Один был кавказец, второй похож на уроженца Южной Азии, возможно, индеец. Обоим от двадцати пяти до тридцати.

– Прошу прощения, я Ли Шор, из «Урбанити-дот-ком», – сказала она. – Не согласитесь ли вы сказать несколько слов о том, что здесь происходит?

– Нет, спасибо, – ответил индеец. – Мы просто так, погулять вышли.

– А вы? – обратилась Ли к его спутнику.

Он ответил не сразу.

– Ладно, – сказал он, помолчав.

– Эй! – сказал индиец своему другу.

– Все в порядке, – ответил тот.

– Отлично! – сказала Ли. – Как вас зовут?

Снова короткая пауза, потом:

– Джон Бьянко.

– Хорошо, Джон. Не мог бы ваш друг подержать вашу сумку? На ней логотип, и чем его потом замазывать, лучше убрать сейчас из кадра.

Джон Бьянко снял сумку с плеча и отдал своему другу, у которого, кажется, был какой-то тихий, в основном внутренний, припадок бешенства.

– Фантастика! Тогда давайте вы встанете вот здесь, – она потянула Джона за рукав и поставила так, что демонстрация оказалась у него за спиной, – и ответите на мои вопросы только мне, не в камеру. О'кей?

– Без проблем, – ответил Джон.

– Эдди, готов? – спросила Ли.

Эдди кивнул.

– Тогда поехали.

– Запись через пять, четыре, три, – заговорил Эдди, загибая пальцы, последние две цифры показал молча и при счете ноль ткнул пальцем в сторону Ли.

– Я Ли Шор, – начала она, – и стою сейчас на Юнион-сквер, где проходит нью-йоркская демонстрация, посвященная Оракулу. Такие демонстрации проходят сегодня во всех крупных городах мира; их цель – выманить загадочного пророка на свет, заставить раскрыть свою личность. Я говорю с Джоном Бьянко, который согласился поделиться своими мыслями о том, что здесь происходит. Джон, – продолжала она, оборачиваясь к нему, – вы здесь целый день?

– С самого начала.

– Вы живете в Нью-Йорке?

– Да.

– Что вас привело сюда сегодня?

– То же, что и почти всех этих людей, наверное. Я хотел посмотреть, что случится.

– Вы думаете, демонстрации выведут Оракула из тени?

– Сомневаюсь, – сказал Джон.

– Правда? Вы очень уверенно говорите. Почему бы ему не выйти?

– Я думаю, что раз он скрывается от общественности, у него есть на то серьезные причины. В смысле, наверняка же он знает, что целый мир хочет выяснить, кто он такой. И что, он раскроет себя только потому, что все эти люди его просят?

Ли кивнула и улыбнулась. Этот человек ей нравился. У него была вполне разумная точка зрения.

– Многие из собравшихся здесь считают, что Оракул обязан поделиться своими дарами с миром более непосредственно, чем он это делает, – сказала она. – Стать доступным, помочь человечеству избежать катастроф, которые могут его подстергать. Как вы к этому относитесь?

– Я считаю, что это его дело. Я думаю, что мы не видим картину целиком, не знаем точно, что происходит с этим человеком, так что когда люди ему вменяют какие-то обязанности, это попросту глупо и раздражает.

– Раздражает? Интересный выбор выражения. Почему вас раздражает отношение людей к Оракулу?

– Я просто считаю, что людям следует оставить его в покое. Пусть живет как хочет.

– И все-таки вы сюда пришли.

Джон Бьянко коротко и резко засмеялся.

– Как видите.

У них за спиной, откуда-то из гущи толпы, поднялись крики – достаточно громкие, чтобы заглушить динамики на южном краю парка. Ли и Джон Бьянко развернулись туда посмотреть, но издалека ничего нельзя было различить.

Эдди схватил ее за руку.

– Пошли. Уезжаем, – сказал он.

– Чего вдруг? – спросила Ли. – Что случилось?

Он кивком показал на конную полицию на краю толпы. Все полисмены разговаривали по рациям и некоторые конные начали продвигаться внутрь, расчищая дорогу.

– Они видят лучше нас, и наверняка у них есть наблюдатели на крышах. Что-то там происходит, и нам в этот замес попадать не надо.

Шум из середины толпы, где что-то происходило, становился громче, и стали слышны вопли. Мобильная антенна телефургона, ближайшая к центру возмущения, качалась расширяющимися взмахами – видимо, фургон, скрытый толпой, пытался пробиться вперед или назад. На глазах у Ли антенна медленно рухнула в толпу, как срубленное дерево.

Ли посмотрела на Джона Бьянко и на его друга. Они наблюдали за разрастающимся хаосом как замороженные. Потом индеец повернулся и схватил Бьянко за плечо, пытаясь увести прочь.

– Нет... нет, – услышала она тихие слова Джона Бьянко.

Он шагнул в сторону толпы, и индеец другой рукой ухватил его за локоть, силой разворачивая прочь от центра парка.

– Ты тут ничего не сделаешь, – сказал он. – Мы должны отсюда выбираться, Уилл, и побыстрее!

– Но это начинается опять!

У Ли была секунда подумать, что это могло бы значить, потом новый всплеск воплей достиг ее ушей. Она резко повернулась к центру площади, где видны были облака белого дыма, поднимающегося в гуще демонстрантов.

– Эдди! – сказала она. – Мы должны туда попасть и посмотреть, что происходит. Заснять. На асфальт перед ними упала бутылка, разлетевшись на сотню крошечных лезвий.

– На хрен, – сказал Эдди ей на ухо, беря ее за руку. – Белый дым – это слезоточивый газ. Сейчас толпа бросится бежать, как стадо. Ли, надо...

Вторая бутылка разбилась прямо об камеру в руке Эдди. Он ее уронил, ругаясь, и камера с хрустом упала на землю. Эдди поднял руку, глядя на нее и будто не веря своим глазам. Из глубоких порезов ладони и запястья текла кровь.

Ли наклонилась подобрать камеру, схватила ее, и тут сзади раздался звук, будто огонь взревел, когда в него плеснули горючего. Они обернулись и увидели сотни людей с красными перепуганными лицами. Толпа неслась на них, спасаясь от облаков газа, закрывающих южный край парка.

И они побежали.

ОРАКУЛ В ПУСТЫНЕ

Арно Телер посеревишим платком вытер пот со лба, сняв толстый слой грязи. Джип поднимал клубы пустынной пыли, неумолимо покрывавшей все доступные поверхности. Машина подпрыгнула на рытвине, Телер быстро вернул обе руки на руль. Джип выправился, Телер выдохнул, сам только заметив, что задержал дыхание. Поломка в этом месте была бы очень неприятной. Рация есть, но если в этой пустыне звать на помощь, это еще не гарантирует, что помощь придет.

Когда-то имя Арно Телера могло призвать армию добровольцев, готовых за крошки с его стола сделать все, что он пожелает. Но то время уже двадцать с лишним лет как миновало. Упала цена на уран из Нигера, а с ней рухнуло и состояние Телера. Нет, он все еще владел шахтой почти за окраиной Джадо, но добыча урана никогда не была дешевой. Нанимать на эту работу людей он не мог себе позволить даже при западноафриканских зарплатах. В конце восьмидесятых он влился в армию пропавших – болтающийся у экватора француз, слишком бедный и слишком гордый, чтобы вернуться домой.

На горизонте появились контуры – круглые темные возвышения, дрожащие в жаркой дымке.

– Ага, – сказал Телер, хотя обширный опыт пустынных миражей научил его не доверять собственным глазам, пока не подъедешь почти вплотную и не увидишь, на что смотрел.

И все-таки деревня появилась именно там, где говорил Усман.

Усман, подумал он.

Этот человек ему сказал, что знает, где Оракул, что он живет в пустыне, в деревушке, свои дары направляя на помощь своему народу. Усман утверждал, что предсказания, что просочились в мир, сам Сайт – это результат информации, которую Оракул продал египетскому предпринимателю в обмен на провизию и оружие. Торговец этот сейчас в Каире – некоронированный король. И Усман сказал, что у Оракула есть еще знания о будущем на продажу.

Он согласился открыть Телеру местоположение Оракула, потому что они с Телером близкие друзья. Всего за пятьсот франков. Телер заплатил и еще пятьсот потратил на снаряжение джипа провизией и предметами, которые надеялся обменять на предвидение Оракула.

Но в душе Телер готов был признать, что вероятность, будто Оракул живет в хижине в северо-восточных пустынях Нигера... невелика, мягко говоря. Но он давно жил в Африке и видывал вещи очень необычные. Кроме того, сейчас у него было больше надежд, чем бывало последние много лет, и это наверняка стоило тысячи франков. Даже одно-единственное предсказание будущего, если его продать, поставит его снова на ноги, позволит вернуться во Францию и начать все сначала. А что еще ему делать? Раздумывать о своем провале? Это ему уже десять лет как надоело.

Джип подъезжал ближе к темным предметам на горизонте – да, это точно не мираж. Таинственная деревня Усмана.

Небольшая, шесть-семь хижин вокруг колодца, глубоко уходящего в землю. Одна вдвое больше остальных – наверное, там живет Оракул, если он вообще здесь.

Телер остановил джип и вышел на пустынную почву. Демонстративно вынул револьвер, проверил, что заряжен. Там всего два патрона, но жители этого знать не будут. Он не хотел начинать на агрессивных нотах, но нельзя сказать, чтобы он здесь был в безопасности. И если эти люди враждебны, пусть знают, что легко его не взять.

Сунув револьвер в кобуру, он двинулся по пыли к деревне. Навстречу ему вышла группа мужчин. Четверо в длинных светлых мантиях, огрубевшая кожа, лица обрамлены шейными платками и чалмами. За ними остальные жители, исполненные любопытства. Телер отметил некоторое количество молодых людей, даже мальчишек, сидящих на корточках в тени хижин. Они смотрели на него покрасневшими глазами, опираясь о землю прикладами «АК-47».

Старейший в приближающейся группе остановился в нескольких шагах от Телера и протянул руку. Одновременно он начал говорить. Телер старался понять – это был хауса, но с сильным акцентом.

Он ответил на том же языке простым приветствием. Понял старик или нет, неясно, но казалось, он знал, зачем приехал Телер. Коротким жестом пригласив следовать за ним, он повернулся и зашагал к самой большой хижине.

Мальчишки встали с земли, закинули автоматы на плечи, слегка их придерживая, и сомкнулись вокруг Телера – безмолвные и красноглазые. Единственным открытым направлением была дорога, по которой ушел старший.

Телер убрал руки подальше от заткнутого за пояс револьвера и двинулся вперед.

Вход в большую хижину был занавешен тряпкой. Старший ее отодвинул и показал в темную глубину.

– Кто там? – спросил Телер старика на хауса.

Тот не ответил. Он осклабился, обнажив ряд источенных, деревянных с виду зубов, и снова показал внутрь хижины.

Телер вздохнул и нырнул в темноту. Глаза не сразу привыкли к полумраку. В небольшом круглом доме было прохладно, почти приятно после наружного зноя.

– Здравствуйте, мсье, – сказал кто-то по-французски из глубины хижины. Телер заслонил глаза рукой, взглядываясь в темноту, чтобы разглядеть говорившего. Шагнул вперед.

– Кто это? – спросил он. – Я приехал повидаться с Оракулом. Вы – он?

Человек сидел на циновке в углу хижины в окружении тарелок с едой, автоматов, изящных каменных безделушек и прочих даров. Выглядел он точно так же, как прочие жители – разве что одежда чуть лучше, но в остальном – человек как человек, лет тридцати.

– Зачем вы приехали? – спросил он.

– Мне сказали, что вы – Оракул, и вы продадите мне видение будущего. Я привез товары на обмен. Если это правда, давайте договоримся.

Человек на циновке начал смеяться и почти полминуты не мог остановиться. Телер ждал, с каждой секундой все более укрепляясь в убеждении, что надо будет поймать Усмана и убить его за коварство.

– Меня зовут Идрисс Юсуф. Да, я и есть Оракул, – сказал человек, отсмеявшись. – Я смог предсказать день, когда неподалеку упал маленький самолет. Он был полон гумпомощи, украденной с поста ООН в Буркина-Фасо. С тех пор люди моей деревни питаются хорошо. А сейчас они ко мне приходят с вопросами о том, что принесет завтра, и я на них отвечаю как могу.

– Так это правда, – сказал Телер, чувствуя некоторое смущение. – Но как?

– Как? – переспросил человек. – Очень просто. Я тут единственный на сотни километров человек, читающий по-французски.

И он снова рассмеялся.

Телер абсолютно не мог понять, что происходит.

– Простите, не понимаю.

Оракул потянулся к стоящей рядом матерчатой сумке, достал оттуда газету и поднял ее над собой. Телер шагнул вперед. Это был номер «*Le Републикен*» примерно месячной давности. На первой полосе крупными буквами – заголовок статьи про Оракула с перепечаткой предсказаний с Сайта. Одним из первых по дате было сообщение о крушении самолета в пустыне Нигера.

Телер понял. Катастрофа случилась еще до того, как Сайт по-настоящему ворвался в сознание мира. В те времена никто бы не поехал по пустынному бездорожью нигерской пыли только потому, что какой-то американский сайт вроде как умеет предсказывать будущее. Сейчас, конечно, дело обстоит иначе. Место действия каждого из предсказаний Сайта стало в фокусе огромного внимания, тем большего, чем ближе дата предсказанного события. И туристы со всех концов мира, и внимание всех медиа.

Этот человек увидел возможность и ухватился за нее, вот и все. Рискнул – и выиграл.

– Так что сами видите, – продолжал человек. – Со всех сторон приходят люди, просят моего совета и приносят мне богатство своих деревень. Мое племя стало богатым, и я тоже.

Вы первый белый, кто приехал меня увидеть. Задавайте свои вопросы, давайте ваши дары, и я вознагражу ваши поиски.

– Да пошел ты, – плюнул Телер. – Ты мошенник, ничего я тебе не дам.

Лже-Оракул грустно покачал головой.

– Это вы неудачно сказали, друг мой. Видите ли, у меня есть планы. В этих мертвых землях люди отчаянно стремятся к будущему. Любому будущему. Почему же не от меня им его получить?

Он прищурил глаза.

– И я им его даю. В отличие от белых, которые только берут.

Он поднял голову и произнес длинную фразу на хауса, слишком быстро, чтобы Телер успел разобрать, но это и не было нужно – и так все понятно. Он выругался и потянулся за пистолетом, поворачиваясь к двери.

Первая пуля попала ему в грудь. У него еще хватило времени увидеть у входа в хижину двух детей-солдат с автоматами, пока вторая пуля не вошла ему в щеку и не вышла из затылка.

Часть II

Зима

Глава 10

В тридцати милях к западу от Дулута, Миннесота, на газон перед большим викторианским домом, взметнув сверкающие на солнце облака пушистого чистого снега, опустился синеватый вертолет «Сикорски Н-92», имеющий обозначение «Marine Two»³.

Дом одиноко стоял на территории в сто акров пологих лесистых холмов Среднего Запада, и на газоне приличная секция трехфутового снега была вычищена для вертолета. В двухстах ярдах в сторону от «Marine Two» стоял изящный черный вертолет, каким летают генеральные директора компаний, поставленный на широкие полозья, позволяющие приземляться на снег. Маленький в сравнении с огромным «Сикорски», он казался блестящим темным жуком.

Еще несколько вертолетов стояли вдоль газона и длинной загибающейся дорожки, ведущей от дома к ближайшей дороге чуть дальше мили отсюда. Эти были матово-черные, с незаметными пушечными контейнерами. В них прилетели агенты секретной службы и морские пехотинцы в зимнем обмундировании. Все они стояли в стратегических точках со всех сторон дома, держа под наблюдением и дом, и окрестности.

На широкой веранде дома сидел на качалке одинокий человек, что-то попивая из термоса и медленно качаясь вперед-назад, вперед-назад. Он был хорошо укутан – пуховик, ушанка, толстый шарф.

Из «Marine Two» смотрел в окно Энтони Лейхтен, разглядывая человека на веранде. Тот оказался меньше, чем ожидалось. Прозвище Тренер вызывало в уме образы крепкого уроженца Среднего Запада с пышущими здоровьем багровыми щеками и несколько излишним объемом талии. Но этот человек казался низкорослым и почти хрупким.

– Это он? – спросил Лейхтен. – Тренер?

– Более или менее, – ответил Джим Франклин.

Лейхтен скривился. Детали этой встречи были окончательно согласованы всего несколько часов назад. Она должна была произойти в его фамильном доме в сельской Миннесоте, совершенно заснеженной, куда добраться можно только по воздуху. Но этот человек как-то сумел прибыть первым и уже сидел на веранде с термосом, когда прибыли передовые части охраны.

Лейхтена это раздражало крайне.

Он повернулся к директору ФБР, сидящему напротив него в красивом светлом кожаном кресле с вырезанной на подголовнике печатью президента.

– Ты не тратишь мое время зря? – спросил он. – Потому что сейчас момент для этого ну самый неподходящий.

Франклин бросил на него очень темный взгляд, черный как смола.

Лейхтен знал, что директор ФБР его ненавидит. И к этому привык. Энтони Лейхтена ненавидели многие.

А ненавидели его за то, что он побеждал. Тратить силы на переживания о том, что люди недовольны, когда он их побеждает, казалось колоссальной потерей времени, а вот о времени он переживал сильно. В конце концов он должен реализовать свою миссию, и на это ему отпущена только одна жизнь.

---

³ Так обозначается вертолет, несущий на борту вице-президента США.

Он встретил взгляд Франклина с бесстрастным лицом, а потом подмигнул. По лицу собеседника пробежала тень замешательства, что Лейхтен тут же отметил с удовольствием.

Подавшись вперед, он постучал по двери вертолета. Стоящий снаружи морпех ее открыл, выпустив тепло кабины и впусив внутрь миннесотскую зиму. Лейхтен вышел из вертолета и направился по расчищенной дорожке к собственной веранде, где сидел Тренер, глядя на него и по-прежнему покачиваясь.

Он подошел ближе, лицо Тренера – улыбающееся лицо – оказалось достаточно близко, чтобы разглядеть – и Лейхтен остановился как вкопанный. Потому что Тренер не был низкорослым мужчиной хрупкого сложения. Тренер был женщиной.

Лейхтен заставил себя сделать следующий шаг, женщина на веранде встала. Он вспомнил разговор с Франклином о Тренере: директор ФБР не упомянул, что его загадочный посредник на самом деле – посредница. Но Франклин и не поправлял Лейхтена, когда тот называл ее «он».

Лейхтен решил спросить этого человека, зачем он совершил такой грубый и подозрительный поступок. И тут же с треском выгнать этого бесполезного осла, не понимающего субординации.

Все эти мысли промелькнули у Лейхтена в голове, когда он подходил к веранде. Начищенные туфли скользили на снежной тропе. Когда он подошел к ступеням, на лице Тренера мелькнула легкая тень недовольства, но тут же сменилась еще более широкой улыбкой.

– Мистер Лейхтен, сэр! – воскликнула она, выступая вперед с протянутой для пожатия рукой. – Знакомство с вами – честь и привилегия для меня.

Лейхтен протянул руку без перчатки навстречу руке Тренера в митенке.

– Боже мой, посмотрите только на меня! – воскликнула Тренер, быстро стягивая перчатку с руки. – Совершенно забыла о хороших манерах. Но это от волнения, сэр.

Она взяла его руку и пожала ее теплым, твердым, сухим пожатием.

Лейхтен рассматривал Тренера, думая, что она напоминает ему Беа Артур⁴. Лицо с широкими скулами, тонкий орлиный нос половиной равнобедренного треугольника. Острые, ясные синие глаза за стеклами очков без оправы, улыбка, которая придает силу и жизнь. Создавалось впечатление, что под пуховиком у нее футболка с надписью «ЛУЧШАЯ В МИРЕ БАБУШКА».

Лейхтен всю жизнь провел среди хороших политиков с их природной харизмой и умел, когда надо, сам излучать харизму, но он не мог не очароваться ее скромной манерой держаться. Он одернул себя, заставив оставаться равнодушным. Он досадно мало знал об этой женщине, кроме рассказов Франклина о ее умении решать проблемы, которые никто другой решить не может, и слушал их скептически, когда думал, что Тренер – мужчина. Сейчас, когда он знал, что она женщина... это казалось вообще нелепым. Смехотворная игра какая-то.

– Поверьте мне, – сказал он, – после всего, что мне Джим Франклин о вас рассказывал, приятно должно быть мне. Вы Тренер?

Женщина закончила рукопожатие.

– Да, сэр. Просто Тренер, этого достаточно. Меня так давно уже называют этим словом, что другого имени, считайте, у меня и не было. К тому же очень точно описывает мои профессиональные навыки.

Лейхтен поднял руку, показывая на дверь дома:

– Зайдемте внутрь. Нет смысла стоять на холоде.

Тренер кивнула.

– Мне кажется, это будет правильно, господин глава аппарата.

– Просто Тони.

---

⁴ *Беатрис Артур* (1922–2005) – американская актриса. Снималась в сериале «Золотые девочки» о четырех обитательницах дома престарелых.

Лейхтен открыл дверь, придержал ее для Тренера, которая вошла в дом и остановилась в прихожей, разглядывая убранство. Лейхтен оглянулся. Джим Франклин стоял в снегу, явно не зная, приглашен он или нет.

Лейхтен дал ему еще секунду погадать.

– Давай, Джим, – сказал он милостиво. – Не будем заставлять... гм... твоего друга ждать. Франклин скованно кивнул и поднялся на веранду.

Лейхтен снял пальто и повесил его на вешалку у дверей. Выглянул в окно на заснеженный пейзаж, пустынный во всех направлениях, если не считать правительственных машин и вертолета Тренера.

Четверо или пятеро агентов секретной службы бесстрастно ждали в гостиной, сложив руки. Лейхтен и Франклин смотрели, как Тренер села на ступени лестницы, ведущей на второй этаж, и стянула с себя сапоги.

– Простите, Тони, что наследила здесь. Дайте мне бумажные полотенца, я сразу все вытру.

– Ничего страшного, Тренер, – ответил Лейхтен, любуясь полной сюрреальностью всей этой встречи. – Есть кому прибраться. Пойдемте в столовую. Могу я вам предложить выпить?

– Черт подери, почему бы и нет? – ответила женщина. – Скотч, один кубик льда. Приятно в такой холодный день чем-нибудь согреться.

Все трое вошли в столовую и сели за длинный стол черного дерева. Лейхтен расположился во главе стола, за ним оказалось большое венецианское окно. Это он сделал умышленно, зная, что на фоне сияния снега за окном его лицо будет затенено. Франклин сел слева от Лейхтена, а Тренер выбрала себе кресло примерно на середине другой стороны стола, сперва повесив пуховик на спинку. Вошел агент секретной службы, неся поднос со стаканами.

– Тони, у меня теперь есть к вам вопрос, – сказала Тренер, когда все пригубили и обменялись любезностями.

– Давайте, Тренер, – ответил Лейхтен с широкой улыбкой.

– Какого хрена не приехал президент? – спросила она, ни капельки не изменив приветливого тона.

Лейхтен поперхнулся виски, закашлялся, но быстро взял себя в руки, запоминая на будущее довольную рожу Франклина, на которой прямо читалось: «Я же тебе говорил». Он поставил стакан на подставку. Тренер ждала терпеливо. Лейхтен заставил себя снова улыбнуться.

– Не знаю, может быть, Джим Франклин заставил вас думать, что сегодня вы будете встречаться с президентом Грином, но это явно был испорченный телефон. Президент – человек занятой. Но при этом ему очень интересно знать, что вы можете для нас сделать.

Лейхтен замолчал. Тренер смотрела на него не моргая.

– Проблема? – спросил Лейхтен.

Тренер ему не ответила. Она повернулась к Франклину.

– Джим, ты ведь ему рассказал про меня? Пилюлю подслащивать не стал, надеюсь?

Лейхтен смотрел, сам себе не веря, что Франклин отвечает, будто его здесь вообще нет.

– Рассказал, Тренер, но у главы аппарата есть свои соображения насчет того, как ему лучше поступать.

Тренер издала трудноопределимый звук, тем не менее ясно сообщавший о неодобрении. Она смотрела в окно, глубоко задумавшись.

– Прошу прощения? – сказал Лейхтен. – Я имею все полномочия от президента. Если у вас, Тренер, есть вопросы, вы можете задать их мне. Хотя на самом деле... – Он встал с кресла и сложил руки. – ...не можете. Хватит с меня. Не бывает никаких закулисных посредников. Были бы – я бы знал. Франклин мне сказал, что вы нашли ячейку террористов, которых не могло найти ФБР, остановили их судно с «грязной» бомбой в ста ярдах от статуи Свободы.

Сказал, что вы раскрыли, кто на самом деле взорвал «Коламбию». Еще много всякой чуши наговорил. Я не знаю, в какую игру вы оба тут играете...

Он глянул на Франклина, который на него смотрел почти... с улыбкой?

– ...но я в нее играть не стану, Тренер, как бы вас ни звали на самом деле. Вы сейчас отсюда выйдете, сядете в свой вертолетик и улетите прочь. Прямо сейчас, не то передам вас охране.

Тренер не шевельнулась. Они смотрели друг на друга не мигая.

– Так, – сказала наконец миниатюрная женщина. – Кажется, вы обо мне много знаете. Подготовились хорошо. Молодец.

Она потянулась куда-то под стол. Лейхтен невольно отпрянул, хотя знал, что секретная служба тщательно ее досмотрела и она никак не могла пронести оружие. Наверняка даже термос ее проверили. И все-таки.

Тренер вытащила из-под стола книгу в бумажной обложке. Очень-очень знакомую.

Лейхтен вытаращил глаза в недоумении.

Тренер бросила книжку на стол, та упала с глухим стуком.

– Ваша автобиография, Тони, – сказала Тренер. – Читала по дороге сюда. Мне понравилось. Забавно, хотя...

Она протянула палец, медленно покрутила книжку на столешнице, повернула к нему обложкой. Поглядела на Лейхтена и растянула губы в улыбке:

– ...вы про Энни Бриджер забыли.

Будто вся кровь отлила от лица Лейхтена. Комната куда-то отступила, в ушах зазвенело. Он рухнул назад, в кресло – пять тысяч долларов, ручная работа, «Бейкер» – с такой силой, что дерево поддалось. Откуда-то очень издалека донесся его треск.

– Как вы узнали... это имя?.. – сумел он выговорить сквозь ком в горле.

Тренер не ответила. Да и не надо было.

И так же внезапно Тренер вернулась в образ добродушной бабушки. Она подняла стакан, наклонила его в сторону Лейхтена.

– Нет лучшего способа понять мужчину, чем послушать, как он сам о себе говорит. Как рассказывает свою историю. Что включает, что оставляет за кадром. Вот из всего этого... – она указательным пальцем (ярко-синий лак, заметил Лейхтен) провела по обложке его автобиографии, – ...совершенно ясно ваше убеждение: вы призваны использовать умения, которые Бог счел уместным вам дать, чтобы вести мир к лучшему будущему. Вы видите то, чего не видят другие: последствия, возможности. Как вы считаете, это правда?

Лейхтен не ответил. Он ничего этого в книгу не вкладывал, но это не значило, что Тренер ошибается.

– Я бы даже позволила себе сказать, что выбор способа, которым вы разрушили ту ситуацию с госпожой Бриджер, показывает: в тот момент вы поняли, что не обязаны плыть по воле волн. Вы можете сделать мир таким, каким хотите его видеть. Вы можете им управлять.

Тренер поставила стакан на книжку, прямо на портрет Лейхтена, улыбкой украшающий ее обложку.

– Знаете, мое коммерческое предложение было предназначено президенту Грину, но я за свою карьеру научилась держать удары. Если честно, может быть, даже лучше, что это вы, Тони.

Она опустила в кресло, глаза ее блеснули.

– Вы считаете себя избранником судьбы, мистер Лейхтен, – в буквальном смысле. Вы думаете, что это вы направляет мир, бережете его от гибели. Одиноким факелоносец, переносящий американскую мечту в двадцать первый век. Повелитель марионеток. Поэтому вы терпеть не можете, когда что-то выбивается из-под контроля. Бедняги, погибшие в беспорядках

из-за Оракула, Сайт, миллиардеры, покупающие предсказания, которыми не хотят делиться с вами и с вашими людьми.

Лейхтен бросил на Франклина взгляд, мысленно добавив предательство к списку причин, по которым он решил, что в понедельник утром у ФБР будет новый директор.

Франклин только пожал плечами и снова повернулся к Тренеру, которая продолжала говорить:

– На самом деле вся история с Оракулом... это такое бревно у вас в глазу, что почти невозможно думать, что этот хитрый старый пророк делает это не нарочно, будто жирный фак прямо вам в лицо показывает.

Тренер посмотрела на свою руку, медленно разогнула средний палец, осмотрела его и так же медленно согнула.

– В конце концов, Тони, это же *у вас* должна быть способность предсказывать будущее? Вот как вы для людей выигрываете выборы. Вы предвидите, что на нас надвигается, и поворачиваете это в нужном вам направлении.

Лейхтен попытался найти какой-нибудь способ вернуть разговор под свой контроль. Эта женщина просто никто. Будь она кто-то, он бы о ней слышал. Он вспомнил всех, кого победил за многие годы, – судей Верховного суда, сенаторов, журналистов, чертовски хитрых сукиных детей всех мастей, и взял себя в руки.

– Оракул? – спросил Лейхтен. – Почему вы о нем вспомнили?

Тренер взяла стакан, ее губы изогнулись в улыбке.

– Ну, бросьте. Оракул – самая модная и популярная тема. Кто он, откуда он, зачем он так. Все хотят знать, и у каждого есть мнение. Кроме, – она показала на Лейхтена, – кроме вашего босса. От Президента Соединенных Штатов почти ничего не слышно. Это значит, что либо он ваш, либо вы понятия не имеете, кто он, и не хотите рисковать, занимая ту или иную позицию.

Ой, подумал Лейхтен, но в лице не изменился.

– Но я не думаю, что он ваш, – продолжала Тренер, – потому что в этом случае у вас была бы наготове версия, продуманная заранее. Молчание свидетельствует, что вы об этом типе знаете не больше любого другого. И Джим, – она кивнула на Франклина, – не стал бы выходить на связь со мной, зная, что это для него значит, если бы у вас не было проблемы, крупной проблемы. Которую не может решить все правительство Соединенных Штатов Америки. Сопоставим все это, и ясно как день – вы не можете его найти и хотите, чтобы я расколола это дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.